

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ГРАФ РЫСЕВ

Алекс Ключевской (Лёха)

Алекс Ключевской (Лёха)

Граф Рысев

«Автор»

2024

Ключевской (Лёха) А.

Граф Рысев / А. Ключевской (Лёха) — «Автор», 2024

Очнулся, кругом снег, кровь и мёртвая рысь. На затылке рана, прибежавший мужик тебя сиятельством называет, да всё по имени-отчеству. Только вот ты не помнишь, ни что произошло, ни почему ты сиятельство. Ты даже имени своего не помнишь, и всё вокруг кажется тебе не таким, как должно быть, неправильным. Но ничего, руки-ноги целы, голова работает, а память вернется. Тем более, что всё вокруг твердят, что рысь тебя благословила.

© Ключевской (Лёха) А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алекс Ключевской (Лёха) Граф Рысев

Глава 1

– Женька! Женька, черт тебя подери, открывай! – я открыл глаза и посмотрел на часы. Мать твою за ногу, пять утра. И кто там ломится ко мне практически ночью?

Набросив на плечи форменную куртку и сунув ноги в тапочки, пошёл открывать. Стучали-то в окно, в дверь бы долбились, хер бы я услышал. Веранда большая, двери хорошие утепленные, недавно новые поставил. Вот кто-то и обошёл дом, да в окошко спальни начал стучаться. Кобеля надо завести цепного. Тогда прекратят шляться, где попало, чтобы задницу, да яйца сберечь.

На крыльце стоял дед Егор. Точнее, Егор Степаныч, егерь бывший. На ресницах и бровях иней, с капюшона, на голову наброшенного, морозная бахрома свисает. Понятно, опять на рыбалку затемно ходил. И не сидится же дома кому-то. Да ещё и в мороз такой. Я поежился, у меня же на ногах тапочки только надеты, а старый хрыч ни туда, ни сюда.

– Ты что, спишь что ли? – он так удивился, увидев мою заспанную рожу, что я только сплюнул. Нет, бляха-муха, не сплю, жду, когда ты притащишься и долбиться в окно начнешь.

– Тебе чего, старый? Совсем из ума выжил? Ты на часы смотрел? – недовольно протянул я, кутаясь в куртку. Надо же, вроде март на улице, а холод дикий, весной и не пахнет. В феврале таких морозов не было, какие на этой неделе завернули.

– Собирайся, Женья. В затоне не местные, с оружием балуются. А ты у нас гвардеец, как-никак. Тебе положено за оружием блюсти. – С ходу в лоб зарядил мне дед Егор. Я же спросонья, видимо, плохо соображал, потому что решил уточнить.

– Какое оружие? Охота неделю как закончилась.

– Вот то-то и оно, Женья, то-то и оно. Давай-давай, портки натягивай, Генку буди, да разбирайтесь, поезжайте. – Дед покачал головой и повернулся, чтобы уходить. С крыльца сошёл, и пробурчал. – Напридумывали гвардий всяких. Иди делом займись. Это тебе не у дедов старых берданки отбирать, тут и поработать придётся.

– Ага, это я придумал, у дедов просроченные стволы изымать. Следить надо за документами, – пробурчал я, закрывая дверь.

Первое, что сделал, это позвонил дежурному.

– Лейтенант Рысев, Росгвардия. Сигнал поступил, что на территории охотугодий вооружённые люди. Возможно, браконьеры. – Отрапортовал заспанному сержанту, который пару минут врубался, что к чему.

– Ну так съезди, проверь, – недовольно пробурчал он.

– Без участкового?

– Может тебе ещё прокурора разбудить? – ехидно предложил сержант. – Ну, а что, она баба молодая, местами даже красивая. Одинокая опять же. Совместишь охоту на браконьеров с романтическим свиданием.

– Соколов, я тебя ей сдам, ей богу, не доводи до греха. – Я только зубами не скрипнул. Никак не могу понять эту неприязнь полиции к Росгвардии, наверное, плохо стараюсь.

– Не надо меня пугать, – чопорно произнёс скучающий дежурный. – Нет у меня участковых. Михайлов один на три куста, ногу сломать умудрился. Вот ты сам, чо в гвардейцы подался? Надо было участковым идти.

– Куда позвали, туда и пошёл. Ты чего добиваешься, Соколов? – задал я вполне на мой взгляд логичный вопрос. – Я ведь рапорт накатаю, ты меня знаешь.

– Да похер, Жень. Мне до пенсии три недели осталось. Если ты думаешь, что я здесь хоть на день больше проработаю, то ты сильно ошибаешься. – Он замолчал, потом более благожелательно произнёс. – Сейчас бригада вернется, я оперов на помощь пришлю. Куда ехать?

– В затон. – Неохотно проговорил я.

– Нехорошее место, – задумчиво произнёс Соколов. – Давай уж ребят дождеешься, вместе съездите?

– А если эти стрелять начнут? В затоне налим идёт, рыбаки там все. Сам знаешь, слово за слово... А наши молчать точно не будут. Сейчас Генку Вдовина подниму, скатаемся, глянем, что там да как. Может, Степаныч преувеличивает проблему.

– Ну, давай. Только сам сильно не нарывайся. – Посоветовал Соколов.

– Постараюсь, бригаду, если что на одиннадцатом километре подожду. – Дождавшись утвердительного ответа, отключил телефон и задумчиво посмотрел на него.

По-хорошему, надо собираться, но неохота. Надел утепленный камуфляж, сунулся в сейф и в очередной раз за это проклятое утро выматерился: пистолет остался на работе в сейфе. И что делать? Карабин бы взять, но там могут начать визжать олени, детки блатных родителей, которые всего-то поиграться приехали. Они же дети, епт, которые полицейский произвол кинутся снимать на все доступные айфоны. Не отпишусь потом. Ладно, у оперативников в этом плане больше полномочий.

УАЗик в теплом гараже решил сегодня не выделяться, и даже почти сразу завёлся. Пока выезжал из усадьбы, позвонил Генке – однокласснику бывшему, старшим егерем умудрившемся пристроиться. Ответила заспанная жена.

– Так в тайге они, Жень. Медведя какая-то сука подняла. Он уже одного лесоруба заломал, того в город на вертолёте увезли. Ещё даже по сводкам не прошёл. Только вот не простой работяга оказался, тут всех в ружьё и подняли, и разрешения как по волшебству оформились, словно сами собой.

– Да везде так, Оль, не только у нас. И про «нас» я подразумеваю всю нашу необъятную. Ладно, спи ложись.

– Ага, уснешь тут, – и она отключилась.

Я выехал на прямую до свёртка на затон и рванул на скорости, которую мой конь выдержит и не рассыплется прямо подо мной. Генке хорошо, ему снегоход выделили. А мне, что предлагаете делать? Впереди расстилалась белая снежная дорога, и мысли скакали, что те блохи. Как бы сверток не пропустить.

Я здесь родился и вырос. Родители погибли в автокатастрофе, когда мне восемнадцать исполнилось. Делать было нечего, учёбу я бы сам не потянул. Уже совершеннолетний, крутись, пацан, как хочешь. Путь был один – армия. Попал в военную разведку. Наставник очень неплохой достался, многому меня научил, а ведь кое-что и вбивать в башку пришлось, не без этого. Предлагали на контракт остаться, да в школу офицерскую поступить, не захотел, теперь жалею. Ну ничего, пенсия в полиции быстро наступает, оглянуться не успею, как думать надо будет, чем дальше заняться.

Тут мне и предложили пойти в Росгвардию. Старый наш гвардеец позвал на своё место, когда я ружьё пришёл батино забирать, да на себя оформлять.

Я тогда только вернулся с армейки. Вернулся в родительский дом, который без хозяев уже начал ветшать.

Заниматься чем-то надо было, да и на ремонт деньги на дороге не валяются, поэтому согласился. Это всяким попаданцам хорошо, да дядям Фёдорам, взял тачку с лопатой и пошёл клад искать. И, что, самое охренительное – всегда находят. В жизни, к сожалению, не так.

А вот и свёрток. Проехав с километр, остановился. УАЗик глушить не стал, хрен потом заведу на морозе. Вытащил фонарь и медленно пошёл по накатанной дороге к затону. Я уже был близко, когда раздался выстрел, потом ещё один. Замерев на месте, прислушался. Не пойду дальше, тут и так всё понятно.

И тут раздался крик, словно ребенок заплакал. Темнота, выстрелы, в голове всё перепуталось, хотя точно знаю, что многие звери такие звуки издают. И ведь никакого оружия с собой нет, но всё равно ломанулся, как тот лось, ориентируясь на звук.

Не знаю, кто это был, я их не разглядел, потому что, стоило только мне появиться, как раздался выстрел. Было даже не больно. Просто ноги почему-то перестали держать. Я упал и столкнулся взглядом с затухающим взглядом убитой этими уродами рыси. Жёлтые пронзительные глаза уже начали терять свою прозрачность, а затухающее сознание с удивлением отметило, как две дорожки крови: моя и убитого хищника, начали сливаться в одну, перемешиваясь.

Последнее, что я услышал, перед тем, как меня накрыла темнота, был крик, переходящий в визг.

– Ты что наделал, идиота кусок? Ты мента завалил! Валим отсюда!

– Ваше сиятельство! Ваше сиятель-ль-ство-о-о! – крик, раздавшийся неподалёку, вонзился в мозг раскаленной иглой, почему-то вызывая отторжение. Какие ещё сиятельства, не должно никаких сиятельств быть. Но крик повторился, наверное, зовущий уверен, что правильно кричит.

Снег охлаждал щеку, чудовищно болела голова. Боль была пульсирующая, словно стробоскоп засел в черепе, посылая вспышки, от которых болели глаза, и хотелось блевать. Протянув руку, дотронулся до затылка. По ощущениям эпицентр боли находился где-то здесь. Под пальцами нащупывалась плотная корка, склеивающая волосы в сплошной заскорузлый комок. Похоже, меня по голове чем-то шибанули. Ни черта не помню. Где я вообще нахожусь?

Немеющими, замерзшими руками схватил снег и сунул в рот. Сначала вроде бы полегчало, но потом меня всё-таки начало рвать. Чтобы не захлебнуться в собственной блевотине, с трудом поднялся на колени, отмечая про себя, как сильно дрожат руки.

Дрожали не только руки, но и всё тело. Стоять вот так на четвереньках было тяжело. Всё время хотелось лечь на землю и забыться, чтобы хоть на мгновение боль отступила.

Мороз забирался внутрь заиндевевшей одежды, пробирая до костей. Сколько же я здесь с разбитой башкой провалялся, если так замёрзнуть умудрился?

– Ваше сиятельство! – голос отдалился, похоже, что сиятельство начали искать где-то в другой стороне.

Ну и хрен с ним, с сиятельством, мне бы вспомнить, кто я такой.

Мысль про то, что я не помню не только, где нахожусь, но и кто я такой, пришла внезапно между содрogaющими тело спазмами. И вот это плохо. Это очень плохо. Настолько, что...

Додумать я не успел, потому что меня согнуло в очередном приступе, скрутившем внутренности. Казалось, что кто-то схватил огромный крюк, вонзил в живот и теперь методично наматывает на него кишки. Но спазм прошёл и, кажется, даже дышать стало легче. На этот раз из меня практически ничего не вышло. Только какая-то тягучая желчь, обжигающая горло до боли. Из глаз сами собой текли слёзы, и от этого становилось ещё холодней, хотя лицо горело огнём, а по виску и щеке вперемешку со слезами катились капли пота.

– Ваше сиятельство! – на этот раз голос приблизился. Не нашёл ещё своё сиятельство, видать, какими-то кругами ходит.

Спазмы прекратились, а головная боль уменьшилась ровно настолько, что позволила мне поднять голову и оглядеться по сторонам. Невдалеке лежала туша мёртвого животного. Пятнистая шкура, лобастая голова и забавные кисточки на ушах совершенно не забавного зверя.

– Рысь, какие-то суки рысь убили, – прошептал я, неосознанно стискивая кулаки. – Твари, удавил бы.

Проблема идентификации как самого себя, так и окружающего пространства отошли на второй план, потому что со стороны мёртвого животного слышались писк и шевеление.

Встать на ноги я пока не мог, поэтому, как стоял на четвереньках, так и пополз в направлении тела рыси, обдирая окоченевшие руки в кровь, об успевший образоваться наст. Весна всё-таки, вот и наст. Странно только, что про весну помню, а про всё остальное – нет.

Это был котёнок. Маленький, испуганный комочек, который искал у матери тепло и еду, но не находил ни того, ни другого.

– Иди сюда, я тебя хотя бы согрею, – сев прямо на снег, я вытащил котёнка из-под уже почти остывшего тела матери и сунул за пазуху, мимоходом удивившись, что на мне такая неудобная куртка. Вроде и тёплая, но...

И тут до меня дошло.

– Какой котёнок у рыси в марте? – оглядевшись по сторонам, я попытался встать на ноги, придерживая пищавший комочек, который завозился у меня на груди, отогреваясь. – И почему я уверен, что сейчас именно март? Может, потому что снег ещё и не думает таять, или же... Черт, как же болит голова, – прижал свободную руку к пульсирующему и простреливающему нестерпимой болью затылку и закрыл глаза. Немного так постоял, покачиваясь, и побрел по тропе, возле которой, как оказалось, валялся, в ту сторону, откуда недавно раздавался голос, зовущий сиятельство.

– Мать наша покровительница, ваше сиятельство, Евгений Фёдорович, – ко мне подскочил мужик в тулупе и меховом треухе, и принялся бегать вокруг, как курица вокруг потевшегося цыплёнка, только крыльями, тьфу ты, руками не махал. – Нашёлся, радость-то какая великая.

– Мужик, ты кто? – просипел я, словно месяца два бухал без перерыва на обед.

– Ваше сиятельство, да как же это вы Тихона не узнали? Я ж с пеленок за вами закреплён, – мужик растерялся, хлопая глазами, зато хоть бегать вокруг перестал. – Да, как же это?

И тут он увидел, что я руки от головы не отнимаю, и почти насильно отодвинул ладонь с раны.

– Осторожно, больно, – я хотел отстраниться, но тело внезапно наоборот, потянулось к ещё крепким и совсем не старческим рукам. Словно часто я так проделывал, точно зная, что ничего худого от обладателя этих рук мне ждать не стоит.

– Да как же так вышло-то? – принялся причитать Тихон. – Что за тати на графа свои лапы поганые подняли?

– Я не помню, – рысенок за пазухой запищал, и я крепче прижал его к себе. – Ничего не помню. Ни тебя не помню, ни куда идти надо, ни кто я. Кто я, Тихон?

– Ох, беда-то какая, – Тихон принялся меня ощупывать на предмет других повреждений. – Пошли, Евгений Фёдорович, пошли. До дома доберемся, дед ваш лучшего лекаря пригласит, а не пригласится, на аркане притащит, ежели понадобится. – Он обхватил меня за талию, помогая идти. – А ведь говорил я вам, предупреждал, не надо сюда ходить. Прорыв здесь был третьего дня. Но сами же упорство проявили невиданное, будто бы тащил вас кто, да еще тайком. Я же насилу вас нашёл, уже дальше ехать хотел... Ох ты ж, мать честная. – Тихон остановился, и я увидел, что мы стоим напротив уже окоченевшего тела погибшей рыси. – Да кто же этот лиходея, поднявший руку не только на графа Рысева, но и на нашу благодетельницу, да ещё на территории графских угодий?

И тут меня повело, снова замутило. Согнувшись пополам, я начал блевать, хотя было уже нечем. Даже желчи не было. По щекам снова потекли слёзы, которые я, как ни старался, не мог сдержать.

– Ох, ты ж, да что же это такое-то? – снова запричитал Тихон, деликатно придерживая мои волосы, выбившиеся из довольно длинного хвоста, подхваченного лентой.

От неожиданности я даже блевать перестал. Выпрямившись, я погладил заволновавшегося котенка, чем привлек внимание слуги, а никем иным Тихон просто не мог быть. А неожиданностью стало для меня само наличие этого чертова хвоста. Не должно его быть, должны быть коротко остриженные волосы! А, собственно, почему они не могут быть длинными? Да хрен его знает, не помню, но не должны и точка.

Тихон тем временем отвортил мою неудобную куртку и заглянул внутрь.

– Не понимаю, откуда котёнок, – пробормотал я, наблюдая за его действиями. – В марте у рысей только гон начинается, а тут котенок, да никак не меньше месяца ему.

– Дык, знак это, – в голосе Тихона такое благоговение звучало, что мне стало немного не по себе. – Приняла тебя рысь-защитница рода Рысовых. Да ещё и дитя своё в помощь дала.

Я посмотрел на него с изрядной долей скепсиса. Как-то на подарок не слишком похоже. А если бы я кроху не заметил? Так бы и остался щедрый дар, какой-то непонятной рыси нить под животом мертвой матери, пока не околел, так что ли?

– Тихон, мне не хорошо. Мне очень сильно нехорошо, – пробормотал я, уже даже не обращая внимание на волосы, закрывшие одну половину лица. Вторую половину шевелюры всё ещё удерживала лента.

– Ваше сиятельство, Евгений Фёдорович, а шапка-то ваша где? – Тихон всплеснул руками. Я же пожал плечами. Откуда я знаю. Я даже не помню, была она на мне или нет. – Пойдем, помаленьку, тут телега у меня недалеко. Нам бы до неё добраться, а там с ветерком домчимся до родного дома, ну а ежели что, в охотничьем домике схоронимся.

– А что может случиться? – Тихон пытался надеть на меня треух, но я отмахивался. В теплой шапке становилось только хуже. Холодный же воздух немного остужал разгоряченную голову.

– Дык, прорывы же. В этом году что-то рановато. Зато частенько. А у нас из оружия, только мой нож. Не отобьемся, ежели что.

– Я не знаю, что такое прорывы, – прошептал я. – Не помню.

– Ничего, лекарь вас попользует, и сразу вспомните, – пригрозил мне Тихон, и тут мы вышли к телеге, запряженной каурой кобылкой.

Тихон помог мне устроиться на сене, а я всё это время размышлял, что же в сказанной им фразе про лекаря показалось мне не слишком приличным.

– Н-но, родная, пошла, – раздался голос над головой, телега дернулась и покатилась. Глаза сами собой закрылись. Спать было нельзя, это я откуда-то знал, но и поделать с собой ничего не мог. Потому что, когда на меня накатывала дремота, по крайней мере, ничего не болело. Я уже начал проваливаться в самый настоящий сон, как громко заржала лошадь, а Тихон заорал. – Не успели! Давай, родная! До охотничьего домика два хлопка вожжами! Защита в нём хорошая, поди, отсидимся, а там и его сиятельство граф помощь пришлёт. Не подведи только!

Сон мигом слетел. Похоже, мне не нужно будет рассказывать ничего про прорывы, я их скоро сам увижу и начну ощущать в полной красе.

Глава 2

Мы успели. Так во всяком случае мне показалось, когда телега на полном скаку въехала в распахнутые ворота и остановилась посреди двора, аккуратно перед двухэтажным наполовину каменным, наполовину деревянным домом. Первый этаж у дома был каменный, не кирпичный, а именно каменный, а вот второй вполне себе брусовой.

Большой двор, ворота массивные с впечатляющим засовом и калиткой для пешех. Надворные постройки... Ничего так охотничий домик. Очень скромно, прямо для нищелюбов. Черт возьми, куда мои мысли меня заносит, я же сам не могу себе ответ дать, откуда только что берется.

– Кажись, успели, – заорал Тихон, выскакивая из телеги и ловко закрывая ворота. – Вам, ваше сиятельство, не показалось, что тварей изначальных отвлек кто-то?

– Я и тварей-то не разглядел, – как ни странно, но голова болела меньше. Я даже выбрался из сена самостоятельно и начал помогать Тихону прилаживать засов.

Когда мы неслись по белой ослепляющей целине, то телега поднимала такую снежную пыль за собой, что я конец телеги с трудом мог разглядеть, не то что каких-то тварей. Тихон сидел, правя лошадей, и вполне мог что-то увидеть, я же ни черта не видел, только завихрения снежные. Какие-то тени вроде мелькали, да ещё вой был слышен, хороший такой, до костей пробирающий. Но я так и не понял, кто там воет, на волков вроде бы не похоже.

– Ну вот и всё, – Тихон вытер пот со лба чуть подрагивающей рукой. – Сейчас защита активируется, и в дом пойдём, незачем на морозе, да ещё без шапки торчать. Ну а как простуду вдобавок к страданию головой подхватите? Мне его сиятельство спасибо за это точно не скажет.

По воротам пробежала дорожка из разноцветных искр и над всей территорией этой скромной сторожки, раскинулась переливающаяся на свету прозрачная пленка. Словно кто-то мыльный пузырь надул. Одновременно такие же искры пробежали по небольшому медальону, висящему у меня на груди. Медальон было видно из-под моей расстёгнутой куртки, и я обратил внимание, что похожее свечение образовалось, когда мы въезжали в ворота. Я дотронулся до гладкой поверхности медальона. Интересно, почему его с меня не сняли те, кто по голове огрел до потери памяти?

– Почему его с меня не сняли? – повторил я вопрос, но уже вслух.

– Дык, кто в своём уме за родовую цапку лапищами своими загребушими хвататься будет? – Тихон даже удивился слегка. А потом вспомнил, что его барин головой скорбный, тоже слегка, удивляться перестал, и принялся объяснять. – Медальон родовой. Роду Рысевых принадлежит. Чарами заперт от чужих рук. Это же, кроме всего прочего, ещё и ключ почти ко всему, что Рысевым принадлежит. Ежели бы не он, не смогли бы мы, ваше сиятельство даже в раскрытые ворота въехать. А защита на доме хорошая, даже не сомневайтесь, макры недавно поменяны, так что можно с удобством или помощи дожидаться, или время выждать, когда твари изнанки сами издохнут. Не живут они долго в нашем мире, только пакостят. Принесут смерть и горе, и дохнут. Но и польза от них великая, не без этого. Макры опять же, да и тушу можно разделать и выгодно продать.

– Да уж, – я прикоснулся к ране на голове.

По-хорошему, надо было помыться, но, если я смою корку, где гарантия того, что кровь снова не хлестанёт? Стянув ленту с головы, я кое-как собрал длинные волосы обратно в хвост, и перехватил этой же лентой. Мешают просто спасу нет, как только возможность появится, отрежу этот хвост к чертовой матери.

В сене на телеге зашевелился котёнок и жалобно запищал. Я оставил его там, чтобы не придавить ненароком, когда здоровенный брус засова таскал. Ну, как таскал, что-то таскать у меня сил бы сейчас не хватило, но честно пытался помочь.

Я шагнул к телеге, чтобы вытащить своего найдёныша и пойти уже, наконец, в дом, потому что почувствовал, как начинаю замерзать.

– Откройте-е-е! – крик уносил ветер, и он тонул в усиливавшемся рёве, доносящемся из-за ворот. Глухой стук вторил голосам. – Ради всех богов, впустите нас.

– Ох, ты же, рысь-наша-защитница, – выдохнул Прохор и подбежал к смотровому окошку. – Надо открыть, а то ить, порвут их, ведь порвут твари окаянные. Сейчас, только ружьё принесу. Я быстро, потерпите малость.

Он побежал к дому, да так быстро, что шапку пришлось придерживать на голове, чтобы не сдуло. Рёв приближался, и голос за воротами умолял поторопиться. Я уже шагнул было к засову и даже попытался поднять этот тяжеленный брус, когда появился Тихон, протягивающий мне двустольную горизонталку. Ружьё было прикладистое, но видно, что не новое. Прежде, чем отдать его мне, Тихон как-то странно глянул, вздохнул и тихо проговорил.

– Заряженное. На предохранителе стоит. Вы уж, ваше сиятельство, пересильте себя, стрельните, ежели что, а то, все здесь можем полечь, – он начал поднимать засов, пока я переваривал сказанное.

Как только брус вышел из пазов, мыльный пузырь над нами исчез. Не лопнул, а именно исчез. Но мне было сейчас не до него. Потому что я не понимал, как он устроен, да и не верил в какие-то его защитные свойства. Ну какую защиту может дать мыльный пузырь?

Ворота начали открываться, и я сразу же увидел двух всадников: мужчину уже в возрасте и, если судить по силуэту, хрупкого подростка. Одеты они были в старинные охотничьи костюмы, но вот ружей, даже таких, как то, что я сжимал сейчас в руках, заметно у этих охотников не было. Ворота уже открылись на достаточную ширину, чтобы пропустить их, и всадники, недолго думая, ломанулись во двор. Тихон сразу же принялся закрывать створки, и тут я увидел, о ком он говорил, называя тварями.

– Химера, – прошептал я пересохшими губами во все глаза глядя на странное создание с телом орла, хвостом льва и головой кабана. Злобные, налитые кровью маленькие глазки смотрели прямо на меня, и, влетев в ещё не закрытые до конца ворота, тварь резко взмыла вверх, и, сложив орлиные крылья, начала падать, целясь прямо мне в голову.

Руки с ружьем мгновенно взлетели вверх, приклад плотно прижался к плечу. Я почти не думал, когда вскидывал ружьё. А зачем, если мозг и так знал, что нужно делать и отдал приказ рукам. Правда, чуть запоздало, словно и не работали они никогда в одной связке мозг и руки. Будто для рук это было в новинку, вот так стрелять в лёт.

Бах-бах! Два выстрела последовали один за другим, почти слившись в один. Как это уже бывало, я словно видел, как тяжёлые пули понеслись к цели, как ворвались в плоть этого странного зверя, вырывая клочки мяса, выбивая перья. Я помню такие моменты. Их было много в моей жизни. Надо же, хоть что-то я помню!

Тварь в небе истошно закричала, пару раз судорожно взмахнула крыльями и рухнула на землю почти к моим ногам. По жуткому телу пробежала последняя судорога и существо вытянулось на земле, не подавая признаков жизни.

– Отличный выстрел, – ко мне подошёл спасённый мужчина. – Просто отличный.

– Ага, практически королевский, – голову в который раз пронзила боль, и я неосознанно прикоснулся к ране. Похоже, резкий, громкий звук выстрела вновь разбудил задремавшее сотрясение. Чтобы отвлечься, принялся осматривать труп зверюги. Одна пуля попала в грудь, вторая в шею, практически перебив хребет. Действительно неплохо. Можно было бы и чище сработать, но не с моей головой, это точно.

– Ах, дядя, если бы у нас были ружья с собой, неужели мы не справились бы с тварями? Уж с этой-то точно, я просто уверена в этом, – я покосился на подошедшую к нам девушку.

Вот значит, как. Всадник, показавшийся мне тщедушным подростком, на самом деле молодая, лет восемнадцати на вид, девушка. Темноволосая и черноглазая. Не красавица, но хорошенькая. Охотничий костюм, почему-то мужской, подчёркивал точеную фигурку. На её руке сиял перстень, на камне которого проступал силуэт птицы. Что это была за птица, я разглядеть не мог, потому что перед глазами всё внезапно поплыло.

– Не говори ерунды, Машенька, – отмахнулся от неё мужчина. – Как же всё-таки хорошо, что у вас оказался допуск к этому дому. Разрешите представиться, барон Юрий Соколов. Моя племянница – Мария, – представил он девушку.

– Здравствуй, Маша, я – Дубровский, – в голове откуда-то всплыла немного другая фраза, и мне она показалась очень забавной, поэтому я её не преминул озвучить, слегка перефразировав. Шум в ушах усиливался, как и головная боль. Только бы снова блевать не начать перед этой куклой.

– Дубровский? – Соколов удивлённо вскинул бровь, а девчонка моргнула. – А что здесь делает Дубровский?

– Шутит его сиятельство, – к нам подошёл Тихон. Он успел отнести ружьё в дом, спрячь нашу лошадку и свести её в конюшню, если я правильно понял назначение одной из надворных построек. – Рысевы мы. К Дубровским никакого отношения не имеем. Держите, ваше сиятельство, макр надо бы вынуть из орлапера, ну, а тушу я сам освежую, и что надо с неё возьму. – И он протянул мне нож.

Я посмотрел на нож, потом перевёл взгляд на слугу.

– Проводи наших гостей в дом, Тихон, потом возвращайся и решим, кто и что делать будет. – Мне почему-то не хотелось, чтобы Соколовы знали, что я памяти лишился. Как ни странно, но Тихон понял меня почти с полуслова.

– Пойдемте, ваше благородие, не дело на холоде девицу держать, да и зрелище не для нежных девичьих очей будет. – В ответ Маша громко фыркнула, и, резко развернувшись, пошла ко входу в дом, не дожидаясь, пока её туда проводят. Барон быстро последовал за ней.

Тихон быстро вернулся и снова протянул мне нож. На этот раз он улыбался.

– Радость-то какая, ваше сиятельство, первый трофей, вот дедушка-то ваш обрадуется. – Он говорил быстро, но тихо. – Макр нужно из сердца вынуть, только ручки придётся немного кровью запачкать. А по-другому никак, сами знаете...

– Да не знаю, не помню, – ответил я резко, почти крикнул, и тут же схватился за затылок. – Больно-то как. – Боль вскоре отступила, и я взял предложенный нож. – Кто такие эти Соколовы? Почему они в охотничьих костюмах в наших угодьях? И почему вдвоём?

– На это я могу ответить, – Тихон внимательно смотрел, как я подхожу к убитому зверю, словно ждал, что я сейчас брошу нож и убегу. Станный он всё-таки какой-то. Поди не впервые мне охотится, уж как освежевать и выпотрошить зверя я прекрасно знаю. – Барон гостит у Свинцова, соседа нашего ближайшего, – заговорив про соседа, Тихон сплюнул на землю. Понятно, это тот ещё, видать, сосед. – Сегодня днём вместе с девицей Марией они заявили, испросить разрешения у его сиятельства графа, деда, стало быть, вашего, охоту в наших угодьях провести. Зайцев погонять, может матерого поднять. Уж не знаю, чем всё закончилось, но, думаю, его сиятельство разрешил. Всё одно никто больше охотничью забаву не организует. Вы же с детства отвращение к подобным развлечениям имели.

– Кто, я? – я посмотрел на нож в своей руке. Да я на охоту почти с пяти лет хожу. – Это что, шутка?

– Да какая шутка, когда истинная правда и есть, – на этот раз Тихон всё же сплюнул в снег. Мы замолчали, и он принялся пристально наблюдать за тем, как я ищу в туше этот загадочный макр.

Разрез прошелся точно по груди. Чтобы добраться до сердца, пришлось сломать пару рёбер. Можно было, конечно, по-другому, но незачем изгаляться. Перед глазами открылась сердечная сумка. И опять, как при стрельбе, мозг знал, что делать, а вот руки задрожали, сопротивляться начали. Да что это со мной? Ладно, спишем пока на травму, потом выясним подробности. Перехватив нож поудобнее очень аккуратно освободил само сердце от всех этих плёнок. Немного отодвинулся, чтобы кровью себя не залить, и только после этого сделал надрез вдоль сердечной мышцы. В какой-то момент почувствовал, как нож проваливается словно в пустоту. Хорошо, этого достаточно. Вытащив нож, запустил в разрез руку. Ну, и что я должен здесь найти? Минута, и я вытащил из сердца твари руку и маленький продолговатый кристалл, зажатый в ней.

– Вот эту штуку надо было достать? – Я рассматривал довольно невзрачный камень.

И вот из-за этого такой ажиотаж? Ещё бы знать, что это. Хотя, Тихон вроде упоминал, что эти макры какое-то отношение к защите дома имеют.

Защита, кстати, работает, несмотря на скепсис. Вой за воротами не прекращался, но сюда никто ворваться даже не пытался.

Я продолжал рассматривать камень, когда у меня довольно резко закружилась голова, а рана на затылке запульсировала. Вдобавок ко всему, в теле появилась лёгкость, да такая, что я чуть не завалился носом прямиков в тушу. Такое состояние продлилось всего несколько секунд, а потом так же резко схлынуло. Ничего себе я приход словил, скорее всего, повернулся неудачно, и рана так со мной «пошутила».

– Да-да, – закивал Тихон. – Идите в дом, Евгений Фёдорович. При ваших покоях и ванная комната есть. Сможете вымыться и отдохнуть уже. Я же не без понятия. Просто прорыв, чтоб его. Даже отдохнуть графу нет ни времени, ни возможности.

– Сейчас, пойду, – я всё ещё держал кристалл в окровавленных руках. – Только услышу ответ на вот такой вопрос: а почему я не видел барона Соколова и девицу Марию? А я их не видел, уверен в этом. И не потому, что не помню, а потому что они не помнят меня.

– Так сами же, ваше сиятельство, не захотели встречаться с гостями, пусть и неожиданными, – развёл руками Тихон. – Сказали деду своему, что хотите с природой пообщаться, матушку нашу покровительницу, дай боги, встретить, прежде, чем родовой перстень из рук главы рода принять. Он, правда, запретил вам из дома уходить, но вы его, получается, ослушались.

Перед глазами встала убитая какой-то сволочью рысь. А ведь это именно её Тихон называл покровительницей. Как такое возможно? Как животное может быть покровителем? Ничего не помню. Хорошо ещё на имя адекватно реагирую, значит, и правда зовут меня Евгений Фёдорович Рысев.

Только вот вопросы множились: кто на меня напал; зачем напали; почему я поперся почти в тайгу даже без намёка на оружие? Да у меня даже ножа с собой нет! И Тихон только отсутствие шапки заметил, значит, и не было у меня ничего больше. Но, я же граф? Так какого ляда граф без этой, как её, без перевязи со шпагой? Вон даже у той ляльки кинжал на поясе висит, а у меня, как у того латыша, только хрен и душа. И Тихон искренне удивился, когда я чучело вон то, что неподалёку валяется, застрелил.

От всех вопросов снова разболелась голова. Пойду и правда полежу, а то что-то хреново мне.

Но уйти мне не дал громкий плач забытого котёнка. Наскоро помыв руки от крови в снегу и сунув кристалл в карман, склонился над телегой.

– Прости, мелкий, – пробормотал я, забирая его себе за пазуху. – У меня совсем голова не варит. Мало того, что всё забыл, так ещё и на ходу забываю.

Котёнок плакал, не останавливаясь. Да и вообще вёл себя беспокойно.

– Ну что тебе ещё надо? – тихо спросил я у своего маленького найденыша.

– Извините, граф, но я не припомню, чтобы что-то у вас просила, – от неожиданности я вздрогнул и обернулся. Мария стояла прямо за моей спиной, нахмутив бровки. – Даже помощи у вас просил и убежища дядя...

– Прежде, чем вот так наезжать, нужно выяснить, а к вам ли я обращался, баронесса, – я прищурился, девушка же несколько раз моргнула.

– Я не понимаю, – наконец, осторожно произнесла она. – Наезжать?

– Забудьте, – голова болела всё сильнее, а ещё я почувствовал, как всё тело охватывает жар. Вот только этого мне не хватало. – Я нашел котёнка рыси. Её мать убили, и теперь кроха плачет, а я не знаю, чем ей помочь.

– Вы думаете, я знаю? – она нахмурилась ещё больше.

– Вы же женщина, – я пожал плечами. – По идее должны понимать потребности детей, а кто этот котёнок, как ни дитя рыси?

– Знаете что, граф, не все женщины имеют тягу к материнству, и не все умиляются при виде милых крошек, – в её голосе прозвучал сарказм. – Так же, как не все мужчины идут учиться в Военные академии. Уж вам ли об этом не знать?

– А, собственно, почему я должен об этом знать? – голова уже просто раскалывалась, грозя на части разорваться.

– Как, а разве кроме вас у вашего дедушки есть ещё один внук Евгений, который чуть не довёл главу своего рода до удара, когда настоял на том, чтобы не брать в руки оружия? – вот теперь в её голосе прозвучала насмешка. – И хорошо ещё, что блажь эта пришла вам в голову после шестнадцати лет, хоть чему-то вас всё-таки успели обучить, – и эта язва кивнула на труп зверюги. – Ведь не в вашей же Академии изящных искусств вы научились так стрелять.

– В какой академии? – я уставился на неё, на мгновение почувствовав, что голова уже не просто болит, а кружится с невероятной скоростью.

Мария что-то мне отвечала, но я её уже не слышал, потому что земля качнулась под ногами, и я полетел в телегу, успев перевернуться так, чтобы упасть на спину. Котенок заворочался, но пищать перестал, наверное, испугался, бедняга. Но, самое главное, я его не придавил своей тушей. Эта мысль была последней, после чего я потерял сознание.

Глава 3

– Я же не знала, дядя Юра, – голос Марии, в котором уже не было столько самоуверенности, как во время нашего разговора во дворе, отразился от стенок черепной коробки, заставив прийти в себя. Может быть, это произошло из-за того, что её голос раздался у меня над головой? – Я не знала, что он ранен. Когда стрелял, выглядел вполне здоровым.

– А корку крови, запекшуюся на затылке, ты не разглядела? – А вот голос Соколова прозвучал откуда-то сбоку, и я его услышал только сейчас. – И вот как тебя в училище отдавать, если в тебе ни грамма наблюдательности нет, только гонору целый воз с маленькой тележкой?

– Дядя, я не разглядывала графа так пристально, чтобы рану его увидеть, – Мария всё ещё пыталась оправдаться. – И прав ты, известие, что приняли меня на этот первый женский факультет военного училища, голову вскружило. Да ещё и когда узнала, где граф учится.

– И это не является поводом, чтобы надоедать юноше и доводить его до бессознательного состояния. Как он вообще с таким ранением выжил? Неудивительно, что память потерял. – Так, всё-таки Тихон проболтался. Собственно, неудивительно, когда барон моё ранение увидел, то у него сразу же вопросы возникли, по-другому просто и быть не могло. – Я такие случаи видел, даже целители ничего сделать не могли. Просто однажды память возвращается резко, словно по щелчку. Или не возвращается, это уж как повезёт. Заканчивай тут, а я помогу Тихону освежать тушу, пока окоченение не пошло. – После того, как он сказал последние слова, я его больше не слышал, наверное, он вышел из комнаты.

Ещё немного полежав, почувствовал прикосновение к своей злополучной голове, застонал, и приоткрыл глаза. Больно, как ни странно, от этих прикосновений не было, но и приятного мало, кожа на шее, к примеру, вся мурашками покрылась.

А вот память, вопреки моим ожиданиям, не вернулась. Сознание же я потерял, похоже, из-за банальной усталости и перенапряжения, всё-таки, если верить Соколову, долбанули меня по затылку не слабо. Действительно, как только жив остался?

Немного повернув голову, осмотрелся. Как оказалось, лежал я на кровати в довольно просторной комнате. Мария склонилась надо мной, замерев. Она заметила, что я очухался, но ничего не говорила, просто смотрела взглядом слегка побитой собачки. Если ощущения меня не подводят, она только что закончила перебинтовывать мою рану. Протянув руку, я дотронулся до целого тюрбана, который соорудила эта кукла на моей голове.

– Почему так много бинтов? – спросил тихо, потому что башка раскалывалась, хорошо хоть не до тошноты. Но каждый громкий звук, даже собственный голос, отдавал набатом.

– Мы вас принесли в дом, граф, ваш денщик и дядя сумели вас раздеть и смыть грязь, меня, естественно, не пустили, чтобы помочь, – ну ещё бы, кто тебя, дитя неразумное, пустит на голого мужика смотреть? – А когда Тихон корку кровавую смыл, то кровь пошла. И никак не останавливалась. – Я покосился на девчонку, которая в этот момент разглядывала собственные руки. Что-то ты уже не настолько дерзкая и боевая, как хотела казаться, подруга.

– Я могу ошибаться, но количеством бинтов кровь не остановить, – в голове, кроме нарастающей пульсирующей боли ничего не было. – Тут какое-нибудь обезболивающее есть? Хоть анальгин банальный? – пробормотал я, прикладывая руку к глазам, в которых боль отражалась горением.

– Я не понимаю вас, – отняв руку от глаз я посмотрел на девушку, которая смотрела на меня немигающим взглядом. – Вы про нечто новое говорите? Или то, что в изнанке используется, где ваша Академия стоит?

– Вот кто бы знал? – я снова закрыл глаза. – Мария, вы вообще слышали, что вам дядя говорил? Я ни черта не помню из-за ранения, и вы мне собственными ручками тюрбан наматывали, непонятно, правда, зачем.

– Не нужно со мной разговаривать как с недалекой заносчивой дурочкой, – девушка вскочила со стула, на котором сидела и прижала руки к горящим щекам. – Я пытаюсь извиниться, но вы не даёте мне такой возможности.

– Ваше сиятельство, – в комнату вошёл Тихон, неся в корзинке жалобно мяукающего котёнка. – Я уже не знаю, что делать. Кроха кушать хочет.

– Так накормить надо, – по-моему, ответил я вполне логично, вот только Тихон вздохнул и сунул корзинку мне в руки.

– Дык, не знаю, чем, – денщик развёл руками. – Уже всё перепробовал, не есть ничего.

– И чем же всем пробовал? – я приподнялся на локтях, посмотрев на денщика.

– Хлеб размачивал, мясца предлагал... – начал перечислять Тихон. – Вы уж меня, ваше сиятельство, извиняйте, но я же из вояк потомственных, не знаю, что там котята мелкие едят.

– Ты бы ещё крови нацедил с той хреновины, которую я застрелил, – судя по метнувшемуся взгляду, цедил и пробовал кормить. – Охренеть, – резюмировал я, откинувшись на подушку. – А молоко не пробовал найти?

– Нету, – Тихон снова развел руками. – Я же не совсем без понятия, ваша светлость. Это первое, что искать кинулся.

– У меня кобыла жеребенка кормит, может, можно попробовать как-то у неё добыть? – внезапно спросила баронесса, которая внимательно следила за нашим разговором.

– А жеребенок где? – я повернул голову в её сторону. Очень осторожно, чтобы не спровоцировать тошноту. – Его, случайно, не порвали, когда вы от тварей драпали?

– Нет, ну что вы, мы не думали, что задержимся, и оставили его на конюшне. У барона Свинцова целая конюшня. А жеребенок уже взрослый, ему материнское молоко не нужно, чтобы выжить. – Ответила Маша, а я долго и пристально смотрел на неё. Она глаз не отвела, за что уважаю, но вот всё остальное... М-да. Я хоть и без памяти, но такое помню, как разделку туши, например, или стрельбу.

– То есть, вы хотите сказать, что до сих пор не избавили несчастное животное от страданий?

– Что вы хотите этим сказать, граф? – Маша поджала губы. – Вы считаете, что я способна убить кобылу, только потому, что рядом с ней нет жеребенка?

На этот раз я смотрел на неё ещё дольше, прежде, чем задать вопрос.

– Где вы проходите обучение, баронесса?

– Мои документы приняли на первый курс Иркутского военного училища, – в голосе девушки прозвучала такая гордость, что я невольно восхитился.

– Понятно, – я отвёл взгляд от хорошенького личика и принялся подниматься с постели, стараясь не делать лишних движений. – Вы даже не представляете, как я за вас рад, просто счастлив. Вот только я не имел в виду, что лошадь нужно пристрелить. Её нужно подоить, потому что ей больно, но, вы всё равно не поймёте, так что даже не пытайтесь вникать.

Баронесса пыхтела от возмущения, пока Тихон помогал мне надеть куртку. Судя по тому, что рубашка и штаны всё ещё на мне, возникает вопрос, как меня мыли, не раздевая, что ли? Зачем тогда девицу выгнали? Даже разбираться не буду, наверняка всему этому есть вполне логичное объяснение.

– Тихон, тут есть, чем уменьшить боль? – тихо спросил я.

– Ох ты, вот дурья башка, всё с котеночком возился, да про лекарство совсем забыл. – Тихон хлопнул себя по лбу и вытащил из кармана флакон с мутным содержимым. – Вот, ваше сиятельство, выпейте, головушка враз болеть перестанет.

Спорить я не стал, вряд ли Тихон вот прямо сейчас вздумал меня отравить. Выхлебав мутную тошнотворную бурду из флакона, прислушался к ощущениям. Боль прошла вдруг. Только что голова готова была расколоться на сотни мелких частей, и тут на тебе, ничего не болит, и лишь тяжелый тюрбан на голове напоминает о ранении.

– Тихон, что это было? – спросил я, сделав несколько движений головой. Боль не вернулась и это было просто отлично.

– Так ведь стандартная вытяжка от болей разных, – ответил Тихон. – Домик охотничий, а на охоте всякое может случиться. Вот вернёмся домой, я графу всё доложу. Сколько флаконов лекарства истратили, сколько бинтов... Хм... – Он посмотрел на тюрбан, крикнул, и закончил. – Сколько бинтов извели. Чтобы его светлость человека послал и возвратил всё на свои места.

– Хорошая идея, – я постарался запомнить, что надо такие вот флаконы всегда под рукой держать. Записать бы, а то я на память не слишком надеюсь.

Мои размышления прервал плач голодного котенка, и холодный голос Марии.

– Полагаю вы уже передумали, граф, идти на конюшню, чтобы спасти мою кобылу от страданий, а своего пушистика от голода?

– Пять минут роли не сыграют, – спокойно ответил я. Похоже, что в том обезболивающем составе присутствовало что-то успокаивающее. А баронесса, вскинув голову, вышла из комнаты, в которой и так уже неприлично долго засиделась. Проводив её взглядом, я сел на кровать. – Перебинтовывай. Или тащи бриллиант в ста каратов.

– Зачем? – Тихон опешил.

– Что зачем? Бриллиант или нормальная повязка? – я решил уточнить.

– Конечно, бриллиант, – Тихон открыл неприметную дверь, и исчез за ней, чтобы буквально через полминуты выйти, вытирая руки о кусок бинта. – То, что повязку надо бы поменять, и так понятно. А уж как его благородие господин барон хохотал. Аж слёзы из глаз брызгали и нож из рук выпал.

– Бриллиант, чтобы как самый крутой падишах выглядеть, зачем же ещё, – по мере разматывания бинтов, голове становилось легче. – Ай, аккуратнее, чуть полскальпа вместе с волосами не выдрал.

– Так ведь длинные волосы-то, ваше сиятельство, запутаться успели, – оправдывался Тихон, продолжая сворачивать в избытке использованный бинт, тур за туром, метр за метром.

– Да отрежь ты их к хренам собачьим, мешают жутко, – посоветовал я денщику. Тихон в этот момент снял последний тур бинта с головы и осмотрел рану.

– Ну вот, зарубцевалось уже. Не зря орлапера приговорил. Ещё кольца не получил, а уже потихоньку дар начал проявляться. Да исконно наш, Рысевых. Раны вон быстрее заживают. Им только настоечкой и надо немного помочь. Жаль сотрясение, кое у вас в мозгах произошло, так не лечится. Но вот рана уже рубцеваться стала. – Сказал Тихон довольно и принялся вытаскивать из кармана очередной флакон и смачивать его содержимым корпию. – А волосы как можно стричь, да ещё мне...

– Хорошо, не хочешь ты, я сам обрежу. – Собрав волосы в хвост, я взял нож и одним движением отрезал его чуть ли ни у затылка. Голове стало ещё легче. Я же бросил волосы на стол. – Сожги их к такой-то матери.

Я обернулся и посмотрел на застывшего Тихона, который глядел на отрезанные волосы со смесью ужаса и облегчения. Потом тряхнул головой, и подошёл ко мне, быстро и ловко перевязав голову.

– Будем надеяться, ваше сиятельство, что, когда вы всё вспомните, вы меня не четвертуете за то, что я позволил вам причёску попортить. – Он закрыл флакон и сунул обратно в карман. Рану немного жгло, но ощущения были вполне терпимыми.

Словно дождавшись, когда мы закончим, завозился и запищал котёнок.

– Пошли, малыш, попробуем тебя покормить. – Подхватил корзинку и вышел из комнаты.

Тихон шёл за мной на этот раз не оставляя одного и контролируя каждое движение. А ну граф снова решит завалиться? А рядом мягкой соломки не окажется.

Во дворе почти ничего не поменялось. Из-за ворот раздавался рёв, но всё реже и реже. Тихон вроде говорил, что твари долго не живут вне той клоаки, из которой вылезли. Так что, немного потерпеть осталось, чтобы уже ехать туда, где позовут целителя, и он поможет мне вспомнить.

Возле туши сутился барон Соколов. Он весьма ловко снял перья вместе с кожей, не выщипывая. При этом умудрился не повредить ни перышка. Надо же, я тоже не люблю щипать дичь. Особенно боровую. Предпочитаю вот так от перьев тушку избавлять.

– Что он делает? – спросил я тихо Тихона, так, чтобы ни барон, ни стоящая возле него с задумчивым видом Маша ничего не услышали.

– Предложил помочь, – Тихон задумался, также тихо добавив. – Молодость вспомнить, да навыки освежить. Нам-то этот экземпляр без надобности. Трофейные части в галерее славы его сиятельства выставлены. Клыки, правда, я выдрал уже, чтобы в витрину добавить, с табличкой, что именно граф Евгений добыл эту особь. Туда же можно и макр поставить. Клан-то Рысевых, поди, не нищий, последнее продавать не требуется. А так, будет всегда под рукой, в случае чего. Собственно, госпожа баронесса шла к вам, Евгений Фёдорович, чтобы позволение на это спросить, но вон как получилось.

Мы подошли к конюшне, неподалеку от которой расположился гараж. Инструменты, детали машин, колёса – всё это не давало усомниться, что это именно что гараж.

– Тихон, а почему я пошёл искать вдохновение в меланхолии подальше от боевой девицы Марии не на машине? – спросил я, прикрывая дверь гаража и направляясь уже непосредственно к конюшне.

– Дык, его сиятельство, не позволил. Дюже вы поссорились. Он тогда крикнул в сердцах, чтобы вы прекратили его позорить хотя бы перед гостями, иначе хрен вам без масла, а не перстень родовой. Вы тогда словам главы рода не вняли и заявили, что встретите покровительницу нашу, и она вас с дедом-то рассудит. – Тихон остановился и его голос задрожал, когда денщик вспомнил убитую рысь. Но долго скорбеть он не посмел, а встрепенулся и подошел к стойлу. – Ну вот она красавица, – он открыл дверь стойла и посмотрел на меня. – И как будем молочко добывать? Я, конечно, попробовать могу, много доярок на своём веку перещу... видел. Как доить коров, примерно знаю. Кобыла же не сильно от коровы в этом плане отличается?

– Да не сильно, собственно, она от той же доярки в этом плане мало чем отличается, разве что статью, – задумчиво проговорил я, и тут перед глазами резко поплыло, и я вынужден был ухватиться за столб, чтобы на ногах удержаться.

Пожилая женщина, меньше всего похожая на какую-нибудь графиню, пристраивала корову в станок. Заметив его, улыбнулась и поманила к себе.

– Баб Тань, а зачем ты её привязываешь? – звонкий детский голос заставил женщину ещё раз улыбнуться.

– Так с характером она. Того и гляди лягнет, или, паразитка такая, ведро с надоем опрокинет. Зато молочко больно вкусное даёт. Хочешь попробовать подоить? – он сильно закивал, опасаясь, чтобы бабушка не передумала. Она села на низкую скамеечку и поставила его перед собой. – Обхвати сосцы, видел же, как я делаю, вот так, – поверх детских рученок легли натруженные, сильные руки женщины и в подойник брызнули первые струйки молока...

– Ваше светлость, что с вами? – Тихон с тревогой заглядывал ему в лицо.

– Голова слегка закружилась, всё уже прошло, – я сфокусировал взгляд на Тихоне. Что это только что было? – Давай чистое ведро, попробуем тоже освежить навыки, – пробормотал я, подходя к лошади и поглаживая её по шее, чтобы успокоить.

Молоко мне добыть удалось, и даже накормить котёнка. Наконец-то насытившись, он свернулся клубочком и засопел. Кормить пришлось с пальца. Лакать он ещё не умел, а соски в этом сиротском домике почему-то не оказались.

– Недосмотр со стороны графа, между прочим, – я поднял палец вверх. – Не всё предусмотрел.

Тихон в ответ только насупил и пошел к воротам.

– Кажись ехать можно, – почему-то шепотом сообщил он. – Все передохли. Изнаночники проклятушие.

– Вы не будете возражать, граф, если мы с Машей составим вам компанию? – ко мне подошёл Соколов, успевший вымыть руки. – До вашего поместья куда ближе, чем даже до границы с землями Свинцова. А день у нас всех был сегодня очень насыщенный.

– Да я-то не против, – на самом деле, мне было плевать и на него, и на его Машу. Снова начала болеть голова и хотелось просто лечь, свернуться клубком, как этот мелкий, и уснуть. А что уж там дед с гостями будет делать, меня не волнует. – С другой стороны, не выгонит же граф Рысев вас на улицу, да ещё на ночь глядя.

Ехать верхом я не мог, да и не было у нас свободных лошадей. Поэтому, дождавшись, когда Тихон запряжёт лошадь в телегу, я завалился в сено, пристроив рядом корзинку. В доме нашлась шапка и большое одеяло, в которое я укутался, чтобы не замёрзнуть. На улице стремительно темнело. Конечно, не так быстро, как в настоящие зимние месяцы, но возможность остаться ночью на улице заставляла поторопиться.

– Может здесь останемся? – спросил я, поглядывая на Тихона. Но ответил мне не денщик, а Соколов.

– Сейчас точно в течение нескольких часов не будет прорывов, но никто не знает, что будет утром. Так что, если у нас есть шанс быстро добраться до более надежного убежища, коим без сомнения является ваша усадьба, граф, то, не будем его упускать. Тем более, что здесь почти нет еды.

Еды и правда не было. И живот подтвердил это особенно громкой руладой. Тот кусок хлеба, которым Тихон хотел накормить котёнка, лежал у него в кармане, дожидаясь своего часа, а не был им найден на кухне. И, если утром будет прорыв, то мы эту вроде бы несъедобную тушу жрать начнём в итоге, чего не хотелось бы. Так что, признав правоту барона, я сделал знак выдвигаться.

Глава 4

Последние километры до графской усадьбы мы ехали уже по темноте. У лошадей не было фар, поэтому скорость передвижения заметно снизилась. Не хватало нам ещё, чтобы кони ноги переломали, оступившись.

Я уже не лежал, развалившись в сене, а сидел, сжимая в руках заряженное и снова поставленное на предохранитель ружьё. Почему Тихон подаёт мне его всегда заряженным, я понять пока не мог. Вроде бы, что сложного в том, чтобы переломить стволы и подать в патронник патроны? Но, нет, ружьё мне подавалось заряженным, словно кремневое, чтобы зарядить которое, нужно целый танец с бубном станцевать.

Глядел я в темноту с таким напряжением, что ещё немного, и глаза на лоб бы полезли. Когда начала возвращаться головная боль, темнота вокруг, внезапно стала серой. Исчезли все краски, и мне удалось разглядеть вдалеке силуэт какого-то животного. Судя по всему, это был волк. Он был почему-то один, хотя, скорее всего, это был разведчик, который пристально смотрел в нашу сторону. Разглядев много вкусного мяса, волк не побежал за нами, а сел, запрокинул голову и завыл, призывая стаю, которая ответила ему протяжным воем вдалеке.

От неожиданности я моргнул, и меня снова стала окружать темнота, скудно подсвеченная то появляющейся, то снова исчезающей в тучах луной. Темнота была насыщенная красками. Я, наверное, только сейчас понял, что даже у черного цвета существует множество совершенно неожиданных оттенков. А вот когда я разглядывал волка, то сам он был светло-серым на темно-сером фоне.

Если честно, то я едва не пальнул в сторону волчары, но вовремя опомнился. Было слишком далеко, чтобы выстрел даже испугал его. Про то, чтобы убить, или хотя бы ранить, речи вообще не шло. В какой-то момент мне показалось, что волк просто привиделся, что был обман зрения, и никакого исчезновения красок на самом деле не было.

Поместье было освещено. Свет лился не только из окон виднеющегося вдалеке в глубине обширного парка дома. Парк пересекало много дорожек, заканчивающихся в самых неожиданных местах беседками. Это кроме довольно широкой подъездной дороги, ведущей от ворот прямо ко входу в дом. И все эти дороги и дорожки были освещены мощными фонарями, испускающими ровный белый свет.

Мой медальон сверкнул. И ворота открылись. Вот только на въезде нас тормознули дюжие охранники, которые к тому же были не дураками, если судить по цепким взглядам. Нас быстро осмотрели, командир нахмурился, глядя на мою перебинтованную голову и спящего в корзине котёнка, и не стал долго задерживать.

Проехали мы по дорожке прямо до широкого, но не слишком высокого крыльца. К телеге и моим спутникам тут же подбежали мальчишки, чтобы принять лошадей и увести их обихаживать на конюшню. Тихон помог мне вылезти из телеги и практически насильно вырвал из рук ружьё, в которое я вцепился мертвой хваткой, потому что мне постоянно мерещилось, что нас нагоняет стая волков. В итоге пальцы на цевье замёрзли и вдобавок их свело судорогой, так что я с трудом их разжал, когда Тихон решил меня разоружить.

Корзину с рысёнком я забрал из телеги и шагнул к крыльцу, на котором стоял высокий, поджарый старик, одетый в костюм-тройку. На его плечи было наброшено кашемировое пальто. Лицо старика слегка вытянутое, морщин не слишком много, седые волосы довольно коротко и аккуратно пострижены. Зеленовато-желтые глаза смотрели пристально, но я точно видел промелькнувшую в них тревогу.

— Жень, что за детские выходки? — он шагнул ко мне навстречу, не обращая внимание на гостей.

– Вы кто? – невольно вырвалось у меня, и я сделал шаг назад.

Старик нахмурился ещё больше, но тут вперед вылез Тихон.

– Ваше сиятельство, на Евгения Фёдоровича напали, да по голове приласкали, хорошо хоть не до смерти. Прямо на старом тракте. Много их было, истоптано там всё вокруг. – Он замолчал, а потом выпалил. – Рысь тати проклятушие убили. Котёнка видать защищала она. Судя по кровище, подрала как минимум троих.

Тут взгляд старика остановился на корзине с шевелящимся пушистым комочком внутри, а затем метнулся к моему лицу. Я-то уже понял, что это граф и мой предполагаемый дед. Вот только как-то исправлять ситуацию было поздно. Теперь он точно будет уверен, что боги за какие-то грехи его ущербным внуком наградили.

Но старик шагнул ко мне и весьма бережно снял шапку. Я молча наблюдал за ним исподлобья. А он осторожно ощупывал мою повреждённую голову.

– Кто? – я даже не разобрал поначалу в вырвавшемся шипении, что же конкретно он сказал.

– Не знаю. Я позже Евгения Фёдоровича прибыл на место, – покачал головой Тихон. – Только и смог что-то по следам прочитать, а потом не до этого было.

Я же готов был еще раз пробить себе башку, теперь уже самостоятельно. Охотник херов. Даже не заметил, что там полно следов было. Ещё потоптался по ним, попрыгал, идиота кусок. Меня оправдывает только то, что действительно было лихо. Когда блюешь в тридцать три струи, не считая мелких брызг, как-то не до чьих-то следов, которые вокруг твоего тела были натоптаны.

Зато теперь понятно, почему меня не ограбили до трусов, и котенка не забрали, или не убили, Тихон громко моё сиятельство звать начал. Тут не то что бандиты сбежали, я в себя пришёл, хотя не сомневаюсь уже, что как раз почти при смерти валялся.

– Женя, я твой дед, Сергей Ильич Рысев, – он заглянул в корзинку, и присвистнул.

– Не свисти, денег не будет, – машинально произнёс я.

– Что? Почему? – граф удивленно вскинул брови.

– Не знаю, так говорят... – Тут фонарь, под которым мы стояли, мигнул и погас. Всё пространство вновь, как и тогда с волками окуталось в серые цвета.

– Женя... – Граф слегка запрокинул мою голову и заглянул в глаза. Затем отпустил меня и обхватил себя за руку на безымянном пальце которого красовался массивный перстень. А когда отнял руку от своего кольца, то я увидел, что у него на ладони лежит второе, почти точная копия, только темно-красный камень печати был чистый, хотя у самого графа на камне была изображена рысь. Он протянул мне перстень. – Надень.

Я возражать не стал, и надел кольцо на безымянный палец левой руки, пользуясь подсказкой в виде руки деда. А граф тем временем кивнул Тихону, и денщик потянул меня в дом, оставляя деда с непрошенными гостями, чтобы тот уже определился, что же с ними делать.

Комната, куда меня притащил Тихон мне понравилась. Большая светлая. Дорогая мебель, собственный санузел, мольберт у окна. Так, стоп. Мольберт?!

Пока Тихон суетился, готовя ванну, я подошёл к мольберту. набросок был сделан карандашом, но черты всё равно узнаваемые. Маша Соколова на только что начатом портрете улыбалась, наклонив головку с венком из полевых цветов. А не потому ли я сбежал, что девица всё-таки произвела на меня впечатление? Откуда же я её увидел, если Тихон сказал, что к гостям я не спускался? Тут мой взгляд упал на окно. Ну, конечно. Они выходили прямо на крыльцо. Я видел, как она приехала, и мне, похоже, этого хватило.

Вот только почему я сейчас не ощущаю этого трепета, который заставил увидеть в пацанке чуть ли не богиню Весны? Но, я, похоже, и правда учусь в Академии изящных искусств. И вообще, кто мне запретит рисовать понравившийся объект вот так? Я художник, вашу мать, я так вижу!

Взяв в руки карандаш, которым был сделан набросок, я задумчиво поднёс его к холсту. Нет, не могу. Словно не просто забыл, как меня зовут, но и как карандаш в руке держать. А что, если... Прикрыв глаза, я постарался не думать, позволив рукам действовать самим. Тут произошла история противоположная той, когда я орлапера завалил. Тогда я знал, что нужно делать, только руки не слушались, а теперь я понятия не имею, что творю, но руки, как оказалось, помнят.

– Красотища какая, ваше сиятельство, – я вздрогнул, и рука тут же провела слишком жирную линию. Растушевав её пальцем, я посмотрел на то, что получилось. В принципе, довольно прилично. Девушка на портрете была юная, хорошенькая и очень женственная. В общем, мало похожа на воинственную баронессу, но вполне узнаваемая. – Зря его сиятельство Сергей Ильич на вас гневаться изволит. Вот увидит эту красотищу, сразу простит и не будет ворчать про выброшенные на ветер деньги. – Тихон подошел и начал настойчиво подталкивать меня в сторону ванной комнаты. – Пойдёмте, ваше сиятельство. Вымыться вам надо, пока целителя привезут.

Я бросил карандаш, и позволил себя утащить мыться. Только погрузившись в горячую воду, я понял, насколько устал и замёрз. Ноги гудели, и я всё никак не мог понять, как я очутился так далеко от дома, да ещё и пешком. Голова кружилась, а глаза так и норовили закрыться.

– Тихон, как я так быстро убежал от тебя, что ты на телеге не мог догнать? – тихо спросил я, пока денщик осторожно намыливал мне спину. Было немного больно. – У меня там что, синяк? Вроде почки не отбитые, мочусь нормально, без крови.

– Синяк, – вздохнул Тихон. – Вот здесь прямо промеж лопаток. А то, что догнать не мог, так не пешком вы из дома рванули, а с оказией. Почту как раз графскую привезли на почтовой карете, вот с почтарями до развилки и доехали, а там пешком до заповедных мест, где покровительницы наши появляются. Пока хватились, пока охрану на воротах расспросили. У них же не было наказа не выпускать наследника, как и докладывать о его отлучках. Седлать коня было некогда, на машине не угонишься, да и не проедет она много где. А во дворе телега стояла, молочко свеженькое из деревеньки привезли. Ну я в неё запрыгнул и рванул за вами. Лошадка вроде справная, не должна была утомиться. Его сиятельство, похоже, выкупил и телегу, и лошадку, потому как мужика того я здесь не вижу. Голову наклоните вперед, ваше сиятельство. – Мне на шею полилась теплая вода и я закрыл глаза, едва не мурлыча от удовольствия.

Целитель заявился, когда я свежевымытый, свежевобритый и в свежей одежде сидел на кровати и изучал в зеркале свою физиономию. Зеркало было на длинной ручке в серебряной оправе с завитушками и мелкими макрами по ободку. Макры выполняли роль подсветки, наверняка, чтобы женщинам было ловчее брови выщипывать. В целом же зеркало отличалось красотой, в отличие от лица, в нём отраженного.

Волосы какого-то неопределенного цвета, пестрые – самое лучшее определение. Глаза почти как у деда зелено-желтые, только желтизны поменьше. Рот крупноват, нос с горбинкой. Красавец, просто глаз не отвести. И самое главное, я совершенно не узнавал этого лица. Вот никаких вспышек озарения при виде физиономии в зеркале не появилось. От этого меня охватило раздражение. Бросив зеркало на прикроватную тумбочку, я подумал, что найду тех ублюдков, которые рысь убили и меня лишили возможности самого себя в зеркале узнавать. Найду и на ленты распушу. И буду делать это долго и с непередаваемым удовольствием.

Скрипнула дверь, и в комнату вбежал невысокий энергичный человек. Полноватый с красными от мороза щеками.

– Доброго вечера, ваша светлость, вы меня помните? – сразу же спросил он, ставя на стол, стоящий недалеко от мольберта объемный саквояж.

– Нет, а должен? – хмуро спросил я.

– Так, интеллект не нарушен, очень хорошо, просто отлично, – проговорил целитель, если это, конечно, он был. – И, нет, ваша светлость, вы меня помнить не должны, потому что мы видимся с вами сегодня впервые. Но радует, что вы не пытались меня «вспомнить». Кстати, Аристарх Григорьевич Лебедев, целитель первого класса к вашим услугам, – он поклонился, после чего нырнул в свой саквояж.

– Аристарх Григорьевич, в своё оправдание, за то, что разрушил ваши надежды на более интересный случай, я даже парня в зеркале не помню, и, разумеется, не буду даже пытаться вспоминать кого-то ещё. – Я откинулся на подушку. – Вы можете меня осмотреть побыстрее. Я очень хочу спать и у меня болит голова.

– Конечно-конечно, я не буду вас долго мучить, – закивал как болванчик Аристарх и принялся меня осматривать. При этом рану на голове он осмотрел в последнюю очередь.

– Ну что, что вы можете мне сказать? – в комнату без стука вошёл дед.

– Потрясающая регенерация, – прошептал целитель, который уже полчаса осматривал мою голову. – Вы только посмотрите, рана выглядит так, словно прошло уже не менее двух недель с тех пор, как её нанесли.

– Что с моим внуком, Аристарх Григорьевич? – с нажимом повторил граф.

– Кроме того, что у него глубокая амнезия? Да практически ничего. – И целитель принялся собирать инструменты в саквояж. – Рана на голове была глубокая, даже кость черепа задета. Если бы не молодость, вовремя проснувшиеся способности и просто сказочная регенерация, этот удар стал бы смертелен. А так... Именно сейчас сидит в постели и зевает абсолютно здоровая половозрелая особь мужского пола восемнадцати лет отроду. Если бы не амнезия графа, я бы вам попенял, ваша сиятельство, на то, что вы меня за зря притащили.

– Память Евгения вернётся? – от пристального взгляда графа целителю стало явно не по себе. Он заметно нервничал, и я не мог его в этом винить, взгляд у деда был очень тяжёлым.

– Этого никто не сможет сказать и что-то гарантировать. Случаи, когда и вовсе не возвращались воспоминания очень хорошо известны. Так же, как и те, в которых всё возвращалось, как вспышка, как удар молнии. К сожалению, никаких лекарств для излечения прописать не могу, так как нет таких лекарств. Будем надеяться, что нахождение молодого графа в знакомой обстановке отчего дома поможет выздоровлению. – И Аристарх захлопнул свой чемоданчик. – Голова будет болеть ещё с неделю. Такие удары всё-таки не случаются без последствий. Достаточно принимать стандартное обезболивающее. А я поспешу отклоняться, мне ещё вернуться в город нужно.

– Вы останетесь здесь, Аристарх Григорьевич. Незачем посреди ночи ездить туда-сюда. Сейчас частенько прорывы случаются, так что я настаиваю, – с нажимом произнёс граф.

– Вы мне просто руки выкручиваете, ваше сиятельство, – целитель сжал губы.

– Ну, да, и что? – Дед даже удивился. Правильно, не в темницу же он целителя Лебедева хочет кинуть, а всего лишь переночевать оставить во вполне уютной комнате. – Идите, Аристарх Григорьевич, идите, вам вашу комнату покажут.

Когда пыhtящий от возмущения целитель вышел из комнаты, я успел заметить, как его под руки принял стоящий под дверью слуга. Дверь закрылась, и я перевёл взгляд на деда.

– Покажи перстень, – тихо попросил он.

Я вытянул руку, и мы оба уставились на камень. Я вздрогнул, увидев, что тёмная пластина уже не пустая.

– Красиво, – одобрительно кивнув, продолжил рассматривать оскаленную морду рыси.

– Ну, хвала богам, с тотемом определился. Рысь взяла над тобой покровительство, как и над всеми Рысевыми. Правда, художников среди нас ещё не встречалось, всё больше вояк, да авантюристов, – хмыкнул дед и пожал мне руку. Отторжения это прикосновение не вызвало, и я потихоньку перевёл дух. – Мне тут барон Соколов поведал, что ты двумя выстрелами орлапера снял, когда тот на тебя уже падал.

– Да, было дело, – я смотрел на него, пытаюсь понять, почему эта новость вызывает подобный ажиотаж. – А что в этом такого?

– Да ничего особенного, если не учитывать тот факт, что ты стрелял в последний раз, когда тебе двенадцать лет было. А так, всё нормально, правда, маловероятно. Кто тебе ружьё заряжал?

– Тихон протянул уже заряженное, – ответил я не понимая в чём проблема зарядить ружьё. Взял патроны и вперёд.

– А, ну тогда другое дело. Я не могу не верить барону, но небольшое сомнение всё же меня гложет. – Он задумчиво смотрел на мой перстень. Потом провёл над ним рукой. – Ещё прадед твой придумал, как просто можно доступный уровень, ограниченный перстнем посмотреть, – объяснил он, заметив мой недоуменный взгляд. – Ого, щедро тебя покровительница одарила, – мы вместе смотрели, как сформировавшаяся из уплотненного воздуха семёрка медленно истаивает. Для меня это вообще ничего не значит, а вот граф заметно разволновался.

– И что это значит? – спросил я.

– Это значит, что в перспективе ты можешь стать очень неслабым магом. Вот только объясни мне, каким образом ты им станешь, рисуя картинки и шляясь по борделям нулевого уровня изнанки? – он обхватил голову руками. – Как ты сумеешь развить дар, если сможешь встретить того же паршивого орлапера только дома при прорыве и абсолютно случайно. Ты же сам видишь, тварь около второго уровня, а макр из неё и дар пробудил и уже рысинная регенерация проявилась. Да и кошачье зрение начало проявляться.

Я только плечами пожал. Откуда я знаю, как буду эту самую семёрку получать? Для меня всё, что он говорит, не имеет смысла. Я представить себе не могу, как вынутый из сердца твари кристалл повлиял на какой-то дар. Правда, были странные эпизоды со зрением, но, это я просто устал. А волк мне почудился. Не хочу ни о чём сейчас думать. Мне бы поспать, а то уже голова не просто болит, она конкретно не варит.

– Котенка надо покормить, и, не знаю, на улицу вынести, чтобы не напакостил прямо на ковёр, – я потер виски и зевнул.

Граф заметил моё состояние и поднялся.

– Ладно, отдыхай, Женя. Завтра будем решать, что со всем этим делать. Особенно с тем, чтобы найти ублюдков, которые на тебя напали. С утра жандармы придут, пораспрашивают. Но и сами мы, естественно, сидеть и ждать результатов не будем. Я уже послал людей: тела тварей от охотничьего домика убрать, запасы пополнить, да следы почитать. А насчет котёнка не беспокойся, все мы сделаем, как надо. Поди, не первый раз рысь выращиваем.

Он ушёл, прихватив с собой корзину с котёнком, а я практически сразу провалился в беспокойный сон с суматошными сновидениями.

Глава 5

Утро встретило меня головной болью. Голова раскалывалась на множество мелких частей, каждая из которых хотела отдалиться от соседок. Словно в затылок кто-то запихнул бомбу с таймером, которая и рванула сегодня утром. Дежуривший возле комнаты Тихон, услышав мой скулёж, который я безуспешно пытался заглушить, спрятав голову под подушку, тут же разбудил графа, а тот поднял целителя, благодаря при этом рысь-покровительницу за то, что надоумила его оставить Аристарха Григорьевича в «гостях». Приволок он заспанного целителя чуть ли не за шкирку, причём тащил собственноручно.

– Так-с, что тут у нас? – Лебедев размотал бинты и принялся осматривать то место, где когда-то была рана на затылке. – Воспалительных процессов нет, рубец уже полностью сформировался. Голова болит, вероятно, из-за сотрясения мозга. Что, косвенно подтверждает его наличие, – он тонко улыбнулся и принялся осматривать меня дальше. – Я слышал про бой с тварями изнанки. Вместо того, чтобы лежать и приходить в себя, молодой граф был вынужден защищать свою жизнь и жизни доверившихся ему людей. Неудивительно, что голова решила показать, что не нужно было так делать, – он протянул мне флакон с уже знакомым средством. – Выпейте, я оставлю вам запас – вот здесь на прикроватной тумбочке, раз уж никто из ваших близких не позаботился о вашем комфорте.

– Спасибо за заботу, – процедил дед. – Мне только интересно, почему вы не предупредили, что может возникнуть подобная потребность? Что флакон с обезболивающим средством может понадобиться внезапно, и он всегда должен быть под рукой? Мы, слава рыси, не нуждаемся, и запасов подобных средств у нас вполне хватает, чтобы Евгений не мучился.

– Я сказал, что могут возникнуть боли и что их можно будет убрать универсальным обезболивающим. – Огрызнулся целитель. – Евгений Фёдорович, на данный момент, совершенно здоров физически. Немного астеничен, но это потому что у молодого графа мало физических нагрузок. А голова скоро перестанет болеть. Насчет памяти – не знаю. Может так получиться, что и вовсе не вернётся. И это всё я говорил ночью! – Аристарх поднял палец вверх. – То, что вы, подобно многим знатым персонам, пропустили мои рекомендации мимо ушей, не моё дело. На мой взгляд, жизни молодого графа угрозы нет! Перевязки можно не делать и бинты совсем убрать, пускай рана так дальше заживает.

– Какие вы сейчас дадите рекомендации, – дед продолжал его сверлить немигающим взглядом.

– Я их только что вам сообщил. Теперь я могу ехать? – раздраженно спросил целитель, со стуком выставя на прикроватную тумбочку флаконы.

– Теперь можете, но, Аристарх Григорьевич, если что-то с Евгением случится, и понадобится такая же срочная консультация, то, не обессудь, тебя снова доставят в мой дом. Если понадобится, то силой выволокут из салона или из борделя, или ещё откуда. Мне без разницы, где ты свой досуг проводишь. Моим людям тоже плевать, откуда тебя доставать. – Пригрозил граф на прощанье.

– Вы просто невыносимы, Сергей Ильич. Хуже, только ваш сосед Свинцов. – Аристарх захлопнул саквояж и, гордо вскинув голову, удалился, с трудом удержавшись, чтобы не хлопнуть дверью.

Дед долго смотрел ему вслед, затем покачал головой и повернулся ко мне.

– Полагаю, завтракать ты будешь в своей комнате? – в ответ я согласно кивнул, голова откликнулась очередной волной боли. – Я сообщу нашим гостям о твоём плохом самочувствии.

– Хорошо, – голос звучал глухо. Зато голова не болела. Вот только её наполнила ужасающая пустота. Которая вскоре грозила перейти в непрекращающийся гул.

Видя мой абсолютно пустой и бессмысленный взгляд, не выражающий в этот момент ничего, граф поднялся из кресла, в котором сидел, пока целитель меня осматривал.

– Женья, этот обидчивый болван забыл предупредить, что обезболивающее можно пить без опасения передозировки до четырёх раз в день. Если боль будет не слишком сильна, то старайся терпеть, – он бросил быстрый взгляд в сторону мольберта и вздохнул. – Постарайся, по крайней мере. И ещё, ближе к обеду придут жандармы. Ты их здесь примешь, или спустишься в гостиную?

– В гостиную. – Я долго не думал. Нечего этим дуболомам в моей спальне делать, и так уже не комната, а проходной двор.

– Я так и подумал. Ну, а потом мы пойдем на стрельбище. Если твоя голова тебе позволит. Я хочу увидеть собственными глазами, что мой внук действительно знает, как нужно из ружья стрелять. – Он подошел поближе и положил сухую, но всё ещё крепкую ладонь мне на лоб. Температуру, наверное, пытается определить таким вот нехитрым способом. – Кто тебе волосы остриг? – спросил он, метнув взгляд на дверь, словно думая, стоит догонять целителя, чтобы волшебный втык ему выписать, или не стоит?

– Я сам остриг, – признался я, глядя на его аккуратную стрижку. – Они мне мешали, постоянно из ленты выбивались и так и норовили в рану залезть.

– Ну и хорошо, – дед скупой улыбнулся. – Тебе так лучше. А заживет рана окончательно, цирюльника позовём, чтобы нормальную причёску придумал, да изобразил. – И он вышел из комнаты. Наверняка пошёл завтракать в компании барона Соколова и девицы Марии.

Встретиться с жандармами дед меня просил. Если не хочешь ни какие вопросы отвечать, то и не надо, сошлись на сильную головную боль, амнезию, которые подтвердит доктор. А у семьи полно адвокатов и жандармы ещё сами должны останутся, если сильно быковать начнут. А вот пожелание выйти пострелять больше на приказ было похоже: плевать на твою голову, не помираешь и хорошо, наглотаешься зелья – вон тебе его сколько оставили, и вперед. Твой дед желает видеть, что его никто не обманывает, и внук-художник действительно знает из какой части ружья вылетает пуля. И выстрелит в цель, а не в себя, в случае чего.

– Ваша сиятельство, Евгений Фёдорович, вы бы уже покушали чего. Шутка ли вторые сутки не жрамши, – Тихон жалобно посмотрел на меня. Живот ему в ответ заурчал, напомнив мне, что я вчера так и не поел, уснув, как только меня оставили одного.

– Сюда тащи, в столовую я точно не пойду, еще завалюсь по дороге, да прямо под ноги Марии Соколовой к большой радости этой девицы.

Я покосился на мольберт, на котором все еще был расположен холст с портретом. Не понимаю, что меня в ней так зацепило? Что бы это не было, оно быстро прошло. Исчезло, вместе с памятью, будь она неладна. Да и память как-то у меня странно отшибло. Что такое мольберт – я прекрасно помню. Что такое ружье и подавно. А вот как его заряжать – нет. В голову постоянно какие-то бредовые мысли лезут. Про патрон, который обязательно должен в патронник подаваться. И всё на этом. В чём там трудность-то?

Пока ждал Тихона с завтраком, решил обследовать комнату. Может быть, знакомые вещи подтолкнут память, и я уже начну вспоминать?

Надеялся я похоже зря. Абсолютно все вещи до единой не вызвали во мне никаких эмоций. Словно среди них и не было ни одной знакомой. Зато я нашел большое зеркало. Ещё одна неприметная дверь вела в обширную гардеробную. Я разглядывал себя, невольно морщась. То, что целитель назвал «слегка астеничным» телосложением, на самом деле не впечатляло. Худой, местами нескладный парень. Уже немного сутулый. К счастью в гардеробе имелась широкая белая рубашка, которая, если заправить её в штаны, частично скрывала эту кому-то интересную астеничность. Художник, чтоб тебя. Почему не скульптор-то?

Вот там парни накаченные и силой не обделены. А ты попробуй куски мрамора поворочай. Я как-то помогал эти каменюки разгружать, наш взвод привезли в помощь на разгрузку в

одну мастерскую. А всё потому, что у взводного сын в этой мастерской скульптурой занимался. У меня чуть пупок не развязался, а ведь слабым я себя никого не считал...

Я оборвал мельтешащие мысли и уставился на себя в зеркале. Какой взвод, о чём я вообще думаю? Я граф, меня не могли заставлять таскать камни для какой-то мастерской. Или могли? Выскочив из гардеробной, я сел на кровать и обхватил руками голову. Если совсем недавно в ней не было ни одной мысли, прямо вселенская пустота, то сейчас мыслей было слишком много. Самое отвратительное заключалось в том, что эти мысли противоречили тому, что я уже о себе знал и видел вокруг.

Чтобы от них избавиться я открыл тумбочку и принялся перебирать содержимое. Пара чистых блокнотов, один заполненный рисунками и куча карандашей.

Тихон, похоже, уехал за завтраком вместе с Аристархом в неведомый город. Или же на кухне кончилась вся готовая еда, и он решил её быстренько приготовить. Но в этом случае, получается, что гости дорогие сожрали всё приготовленное. О чем, в таком случае, повар думал? Или привык, что Евгений Фёдорович нектар у муз выклянчивает и тем сыт? В рыло пойти ему дать, что ли. Вчера мне ужина не хватило, сегодня завтрака. Какой-то заговор против графского внука в доме организовался.

Желудок выдал очередную руладу, и я принялся листать блокнот с рисунками, чтобы попытаться насытиться пищей духовной. Пока Тихон, видимо, с боем вырывает последнюю плюшку из загребущих рук стряпухи, надо было себя чем-то занять.

В основном это были портреты разных девушек. Парочка из них была обнажена – они были нарисованы по пояс, и их платья словно случайно сползли с плеч, обнажив грудь. А ничего так. Я, оказывается, не был чужд прекрасного во всех его проявлениях. Вот эту я знаю, это молодая горничная, которую я видел вчера, когда меня Тихон сюда в комнату практически на себе тащил. То-то она так на меня смотрела. Наверняка ещё попозировать хочет. Так я не против, только голова заживёт, а то весь процесс, хм, позирования может испортить. Думаю, вот здесь на кровати она будет прекрасно смотреться. Подняв карандаш, я посмотрел поверх него. Карандаш словно разделил попавший на него солнечный лучик надвое, и я действительно словно увидел перспективу. Да, определенно, здесь она будет смотреться просто волшебно. Полностью обнаженная, ух-х.

Пролистав весь блокнот, и не найдя в нём ничего, кроме многочисленных портретов не менее многочисленных девиц, я бросил его в ящик, достал чистый блокнот, пару карандашей, небольшой ножик для заточки, лежащий тут же, и откинулся на подушки. Так, как же это делается? Взяв в руки карандаш, я поднёс его к бумаге, и сделал первый штрих. Дальше рука словно сама заскользила по листу, я лишь прикидывал в уме то, что хочу изобразить, не пытаясь как-то влиять на процесс. Постепенно меня увлекло. Я снова впал в некое подобие транса...

– Простите, граф, но мы не могли уехать, не попрощавшись, – приятный баритон выдернул меня из транса. Я даже карандаш уронил, и, чертыхнувшись, поднял взгляд на суетившегося возле стола Тихона, и стоящих возле дверей барона Соколова и Марию. – Господин граф сказал, что вы плохо себя чувствуете.

– Да, неважно, – я рефлексивно прикоснулся к ноющему затылку и посмотрел на свой рисунок. Нарисовал я патрон, как он мне виделся и представлялся. Захлопнув блокнот, я перевёл взгляд на гостей. – А вы что же уже уезжаете?

– Нам пора, – кивнул барон. – Ваши следопыты принесли новость, что пару часов назад произошёл прорыв с третьего уровня изнанки. Теперь-то всё уже успокоилось, и мы вполне можем успеть доехать до барона Свинцова без особых приключений. Что-то в этом году частенько прорывы случаются.

– Так год на год не приходится, ваше благородие, – ответил от стола Тихон. – Два года почитай и не было ничего, а тут один за одним. Ну это ничего, как лето придёт, так и закончится

всё. Весна – вот время прорывов. Главное, господина графа без происшествий в Академию доставить с каникул.

Так, ещё одна небольшая, но очень важная новость: я дома не потому, что сбежал, надышавшись красок, и не потому что меня выгнали за неуспеваемость, а потому что у нас каникулы, судя по всему не слишком продолжительные, и скоро нужно будет к моим художествам возвращаться.

Я быстро взглянул на Машу, которая поджала губы, как только услышала про мою Академию. Эх, Маша, ты ещё настоящее искусство не видела, как то, что в одном блокнотике хранится. А я бы тебе показал его, чего уж там. На практике. Потому как, красивая ты всё-таки девка. Я вон до того, как мне память отшибло, сумел уловить эту невинную красоту.

– Тогда, не смею вас задерживать, – я наклонил голову, обозначая этакий полупоклон.

Задницу, правда, от постели не оторвал. Вот ещё, я весь больной и ушибленный, на голову. А это многое прощает. Я даже могу валяться на койке перед девицей, которая не понимает, зачем её дядя сюда вообще притащил. Благодарить она точно не умеет, да и не видит причин меня за что-то благодарить. Поэтому, пока её дядя прощался за них обоих, её взгляд скользил по комнате.

На меня Маша старалась не смотреть. Вот её взгляд остановился на мольберте, и я чертыхнулся про себя. Только того, чтобы она увидела свой портрет мне и не хватало. Вот что помешало рисовать его в блокноте, как всех остальных девиц? К сожалению, я не помню, что заставило меня схватиться за карандаш и начать творить. Так же, как и не было у меня ответа на вопрос о том, какая нелегкая понесла меня почти в тайгу одного, без оружия и даже без шапки.

Мария тем временем нахмурилась и сделал шаг к мольберту, чтобы рассмотреть портрет поближе. Да, ладно, пускай смотрит. Не уродиной же я её там изобразил. Вот это было бы неприятно. Это был бы конфуз во всех отношениях.

– Что это, граф? – тихо спросила девушка, когда её дядя уже собирался покинуть комнату.

– Портрет, – я слегка наклонил голову набок, внимательно отслеживая её реакции. Наверное, так кот смотрит из засады на мечущуюся мышь, делая вид, что она его не интересует. Ну, или рысь, распластавшись на ветке.

– Это мой портрет, – всё так же тихо проговорила Мария.

– Да, похоже на то, – я несколько раз посмотрел на портрет, потом на Машу, словно сравнивая.

– Это... это... – не договорив, она развернулась и выскочила из комнаты. Не понял, ей что не понравилось, что ли? Нормальный же портрет.

– Юные девицы такие эмоциональные создания, – криво улыбнулся барон. – Извините Машу, она не специально. – Он коротко поклонился и вымелся из комнаты, а я смог, наконец-то, пожрать. Да, именно пожрать, потому что просто есть я уже не хотел.

На завтрак мне полагалась каша, холодное мясо кролика, хлеб, масло и чай. Кофе не было, свежей выпечки тоже. Ну, я так и думал, что всё слопали до меня. А я так долго ждал, так Тихон, скорее всего, кашу сварить заставил повара, или кто у нас едой занимается.

– Там в малой гостиной жандармы из городской управы ждут, ваша сиятельство, – сообщил Тихон, когда заметил, что я уже наелся. – Да следопыты вернулись, много чего интересного нашли. Вам бы их тоже послушать не помешает.

– Послушаю, – я кивнул, раздумывая, как идти на допрос. – Как только от представителей власти отделаюсь, так сразу же позовешь их в ту же малую гостиную, чтобы мне по всему дому не бегать, комнату свободную не искать. Хотя, нет, – я вовремя вспомнил наказ деда. – Потом я пойду демонстрировать, как именно застрелил ту зверушку летающую и клыкастую.

А вот потом поговорим со следопытами в той же самой малой гостиной. – Я снова подумал и решительно произнёс. – Вот что, забинтуй мне голову.

– Зачем? – немного опешил Тихон. – Зажила же почти рана.

– А у нас что, с бинтами напряжёнка? – я нахмурился. – Или тебе сложно пару туров на голове изобразить.

– Мне не трудно, я не понимаю, зачем это нужно, – пробурчал Тихон, но взял в руки бинт, который ещё от вчерашнего бинтования остался.

– Затем, чтобы жандармы видели, насколько сильно я ранен, – терпеливо ответил я денщику, который в это время наматывал мне бинт на голову. – Как мужественно я терплю боль, чтобы поговорить с ними, и как им нужно постараться найти нападающих, пока я не преставился. – Я послушно наклонил голову, когда Тихон попросил это сделать.

– Придумаете тоже, ваше сиятельство. – Тихон хмыкнул. – В управе у нас суровые ребята работают, не сможете вы их повязками разжалобить.

– Ну, это мы посмотрим. Кстати, а где у нас управа находится?

– В городе, где же ещё? – Тихон удивленно глянул на меня.

– А, может быть, ты мне скажешь, как город называется? – и я весьма демонстративно постучал себя кончиком пальца по лбу.

– Так ведь Ямск с утра был, – Тихон заправил кончик бинта, и подошёл к столу, чтобы собрать посуду.

– Ямск, угу, – я задумался. Название города мне ни о чём не говорило. – А далеко он от нашей усадьбы?

– Десять километров, – ответил Тихон.

– Да, брось ты посуду, потом соберёшь, – я встал, потрогал руками повязку. Пойдёт. – Лучше проводи меня в малую гостиную, а то я не в курсе, где именно она у нас расположена. Надо уже поговорить с суровыми жандармами, а то с них станется меня самого виноватым назначить. – И я вышел в коридор, пропуская перед собой Тихона, потому что правда не знал, куда надо идти.

Глава 6

Малая гостиная располагалась на первом этаже. Это была довольно уютная комната, с минимумом мебели. Пастельные тона, воздушные шторы, изящная лепнина создавали приватный уют, который был далек от официальных переговоров с представителями местной власти.

Стоило пройти в кабинет, но я решил: "слишком много чести для жандармов, обойдусь!"

Вот беседовать с девушкой о чем-нибудь романтическом, а то и фривольном – вот для этого комната подходила просто отлично.

Жандармов было двое. Они казались здесь совершенно чужеродными элементами, в своей черной форме, и с постыдными лицами. Им здесь явно не нравилось: не нравилась усадьба, комната, а я так вообще с первого взгляда вызвал отвращение. Но они крепились, потому что долг превыше всего. А вот оружия я ни у одного из них не заметил. Хотя, это могут быть следователи, а они вроде бы постоянно с собой стволы не таскают.

Осторожно пройдя по комнате, я сел в кресло с высокой спинкой, и посмотрел на жандармов, которые садиться, похоже, даже не собирались.

– Присаживайтесь, господа, – умирающим голосом произнёс я, указывая на стулья, стоящие напротив моего кресла. – Не стойте, в ногах правды нет.

– Спасибо, выше сиятельство, но мы постоим. – Тут же ответил один из них. Он был повыше напарника с более умным лицом.

– Я настаиваю. – Произнёс я с нажимом. Вот ещё, позволю я вам возвышаться надо мной, даря прекрасный эффект психологического давления. Это только идиоты могут думать, что, заставляя человека стоять над собой, они его таким образом унижают. Ничего подобного – это же основной закон тайги: кто выше, тот и прав.

Жандармы переглянулись, но не двинулись с места, а тот, что пониже, решил попробовать отстоять свою точку зрения. Пока что они отстаивали своё право на меня давить довольно вежливо. Посмотрим, что будет дальше.

– Мы не думаем, что наша беседа займёт много времени, поэтому...

– Поэтому вы сейчас сядете и представитесь, или беседа не состоится, – твердо сказал я, оборвав его на полуслове. – На меня напали и нанесли серьезное ранение. Да чуть череп не пробили. Хотя старались, не спорю. Все целители разводят руками, не понимая, как я остался жив. Вот, Лебедев Аристарх Григорьевич не даст соврать. Целитель первого класса, как никак. Уж в разных болячках разбирается получше нас с вами. Видели, какой он раздраженный выходил из дома? Это потому, что его сиятельство граф не дал ему остаться подле меня. Попенял мягко по-отечески, что для меня господин целитель сделал всё, что мог, а в Ямске много других страждущих, кои могут кони двинуть, если доблестный Аристарх Григорьевич их не спасёт. Да и выпроводил вон. Но все рекомендации клятвенно обещал выполнять, и чуть что послать за ним карету.

– Ваше сиятельство...

– Сядьте, – ещё раз повторил я, чуть приподнимаясь в своём кресле. Зелье или настой, я так и не разобрался, что налито во флаконы, всё ещё действовало, и я мог позволить себе даже чуть-чуть повысить голос. Совсем немного, так, чтобы не опасаться за новый приступ боли.

На этот раз они сели, потому до поняли, это может продлиться очень долго, а кормить обедом их никто в графском доме не собирается. Вот ещё, тут наследнику еды периодически не остается. И это заставляет задуматься, а так ли хорошо наше благосостояние, как все говорят, начиная с Тихона, и заканчивая дедом.

– Антон Петрович Шубин, – представился тот жандарм, что был повыше, с кислой миной на лице.

– Артемий Павлович Устин, – назвал своё имя второй. – Теперь, ваше сиятельство, мы можем уже, наконец, побеседовать? – спросил он ядовито всем своим видом показывая, как сильно его задрали мажоры, детки богатых и знатных семей, перед которыми приходится изгибаться, вместе того, чтобы притащить в управу и допрашивать, лампой рожу периодически подсвечивая.

– Конечно, Артемий Павлович, теперь мы можем побеседовать, – я улыбнулся самой кроткой улыбкой, на которую был способен. Давняя неприязнь между нашими ведомствами никуда не делась, и я теперь отрывался как мо... Мысль, пронзившая голову, была настолько неожиданной, что я прервал её, выпрямившись в кресле и глядя перед собой невидящим взглядом. Откуда она пришла? Почему я именно так подумал? Что, вашу мать, со мной происходит?!

– Ваше сиятельство, что с вами? – как сквозь вату донесся чей-то голос. Ах, да, это голос Устина Арсения Павловича.

Так, надо собраться. Я уже почти забыл, что художник, и всякая чушь просто обязана лезть в голову. Это называется вдохновение, а тараканы в башке музами. Прими, Женёк, всё это за аксиому и прекращай нервировать суровых жандармов. А то они вон как побледнели. Наверняка представили бедняги ту гору бумаг, которую придётся исписать, оправдываясь и доказывая, что ничего графскому внуку не сделали, пальцем не тронули и даже ещё ни одного вопроса не задали, когда он конкретно поплыл, подчиняясь своим музам.

– Всё нормально, господин Устин, голова резко заболела, – я потёр виски и коснулся затылка, который действительно начал слегка пульсировать, когда эти странные мысли в голову полезли. – Аристарх Григорьевич предупреждал, что такое может случаться, и посоветовал поберегаться, хотя бы временно. Давайте уже начнём.

– Вчера вы прогуливались по вашим охотничьим угодьям, и на вас напали неизвестные, – начал Шубин, сверяясь с написанным в блокноте. Он запнулся на слове «прогуливались», но быстро выправился и вопросительно посмотрел на меня.

– Вероятно, так оно и было, – ответил я неопределенно.

– Вы видели, кто на вас напал?

– Я не помню, – я опять кротно улыбнулся.

– Сколько их было, они убили рысь – тотем вашего рода перед тем, как на вас напали, или вы пытались их остановить, поэтому вас начали бить? – я выслушал все эти вопросы, которые они начали задавать по очереди и ответил сразу на все скопом.

– Я не помню. – Они замолчали, злобно глядя на меня. Внезапно мне расхотелось над ними прикалываться. Всё-таки парни не виноваты, что работа у них в большинстве своём скотская. – Слушайте, я, правда, не помню. – Сказал я совершенно нормальным голосом. – Меня по затылку огрели, я действительно только чудом выжил. Но у меня амнезия. Я своего имени не помнил, когда очнулся. Да и сейчас просто убедил себя, что меня зовут Евгений Фёдорович Рысев, но не вспомнил. Так что, я ничего не смогу вам сказать по поводу нападения. Только то, что блевать – это больно, а снег в тех местах невкусный.

– Почему, ваше сиятельство, вы не сказали нам об этом сразу? – Устин даже не злился. Он захлопнул блокнот и посмотрел на меня немного брезгливо.

– Не знаю, правда, не могу сказать. – Я поднялся из кресла. – Наверное, мне не понравилось ваше настойчивое желание попробовать на меня давить. Так что, парни, без обид, – я поднял руки ладонями вверх.

– Ну что же, ваше сиятельство, это нам урок на будущее, – Шубин ухмыльнулся, но не зло. Да и вообще, оба смотрели сейчас без презрения. Просто как на избалованного мальчишку, но не как на вошь, которая каким-то образом сюда заползла. – Разрешите откланяться, ваше сиятельство.

– Разрешаю, – я тоже усмехнулся. – У меня к вам просьба. Вы могли бы мне передать с оказией сведенья, если что-нибудь сумеете выяснить? Может быть, это подтолкнёт воспоминания и заставит память вернуться?

– Ну, почему бы и нет. Всё-таки это дело наполовину частное и оплачивается его сиятельством вашим дедом, – вздохнул Устин. – Всё равно мы будем для него отчёт готовить.

Так, ещё одна зарубка на память, которая, тварь такая, совсем не хочет мне помогать. Частные лица вполне могут заплатить управе, чтобы та работала в частном порядке для проведения расследований, которые не закреплены в Уголовном Кодексе. Или здесь не Уголовный Кодекс и это мои... хм, музы мне названия подкидывают? Да неважно, какой-то свод законов всё равно должен присутствовать. И, да, я сомневаюсь, что все подряд могут прийти к детективам и заявить, что хотят заказать расследование, но вот граф вполне может себе это позволить.

Пока я пытался систематизировать новые знания, которые на меня сыпались как из рога изобилия, и которые я, по идее, должен был знать, жандармы ушли, оставив меня в одиночестве.

– Женья, ты как себя чувствуешь? – я вздрогнул.

Надо же, так сильно погрузился в свои мысли, что даже не понял, как в гостиную вошёл граф. Как и вечером, когда он встречал нас на крыльце, одет дед был в деловой костюм-тройку. В гостиной было тепло и мне почему-то показалось, что в костюме ему было не слишком комфортно. Наверное, впервые я порадовался тому, что являюсь художником, и могу носить, что хочу. Скорее всего, на официальные мероприятия мне предстоит одеваться как предписывает дресс код, и то возможны послабления.

– Женья, ты меня слышишь? – дед подошёл ближе.

– Да, я тебя слышу, – я сфокусировался на его лице. – Нормально я себя чувствую, обезболивающее больше не пил, если ты об этом.

– Это хорошо, – кивнул граф. – Это очень хорошо.

– Я не понял одного момента. Зачем я встречался с жандармами? Всё равно ничем не могу им помочь. – Спросил я, пристально глядя на деда.

– Чтобы они на тебя посмотрели. – Граф задумался. – Если дойдёт до описаний, чтобы не тратили время, разыскивая высокого худого юношу с желто-зелёными глазами. Который в итоге оказался жертвой. Как же плохо то, что с твоей памятью случилось. Вот кто-кто, а ты вполне мог бы нарисовать нападавших, даже, если сам не знаешь их имён.

– Надо же, неужели ты нашёл что-то хорошее в моих занятиях живописью? – слова вырвались у меня прежде, чем я сумел их осмыслить. Казалось, что это непрекращающийся спор между нами прорвался даже сквозь вуаль, наброшенную на мою память и вылился в ядовитых словах.

– Прекрати, я позволил тебе поступить в Академия изящных искусств, я оплачиваю все твои развлечения на изнанке. Ты не забыл, что я тебе небольшой дом неподалеку от Академии купил со студией, чтобы ты мог выращивать своих тараканов без влияния соседей по обществу. – Граф устало протёр лицо руками. – Можно сказать, что я смирился с тем, что мой внук вместо службы или светской службы будет время от времени рисовать генеральских жен и дочерей. Параллельно занимаясь с ними непотребствами.

– Ну почему сразу непотребствами? – я даже удивился.

– Потому что твоя кобелиная сущность уже в пятнадцать лет расцвела буйным цветом.

– Моя сущность не может быть кобелиной, – ответил я, подняв вверх указательный палец. – Моим тотемом является рысь. А кошки с собаками редко общий язык находили.

– Женья... – я ответил деду невинным взглядом. – Хорошо, не кобель, а кот мартовский ты и есть. Если хорошо себя чувствуешь, пошли на стрельбище. Я всё ещё хочу посмотреть, как именно ты стреляешь.

Я не стал себя долго уговаривать. Тем более самому хотелось прогуляться на открытом воздухе.

В холле, по которому я вчера прошёл практически не глядя, нас ждал дворецкий. Он держал в руках пальто и куртку, похожую на ту, в которой я вчера по земле валялся.

Куртка была неудобной. Я посмотрел на неё и скривился. Я же граф, в конце концов, неужели не могу что-то получше себе подобрать, или вообще сшить? У нас тут портные водятся? Тупой вопрос на самом деле. Кто-то же одежду шьёт.

Дворецкий помог сначала одеться деду, а затем подошёл ко мне.

– Меня зовут Афанасий, ваша светлость. Все слуги уже предупреждены, что у вас проблема с памятью из-за ранения, – и он ловко впихнул меня в куртку, я даже пискнуть не успел.

– Очень хорошо, Афанасий, – вместо меня ответил граф. – Мы идём на стрельбище. Побудь нашим ассистентом.

– Как вам угодно, ваше сиятельство, – он невозмутимо поклонился, и в его руках как по волшебству появилось пальто почти такое же как у деда. Может только качество чуть похуже.

Ну охренеть, что я могу сказать. Колоритная из нас тройца вышла ничего не скажешь. Впереди идут два почтенных джентльмена, а позади непонятно кто: то ли бомж, то ли неформал, художник, в общем. Эх, зря я патлы обстриг, они сейчас как раз в тему были бы.

Сам не знаю почему, но подобный расклад вызывал во мне глухое раздражение, которое усугублялось тем, что жесткий воротник куртки был не отложным и сильно натирал шею.

Погода была отличная. В воздухе отчётливо запахло весной. Небо было ясное, ни облачка. Стрелять, правда, в такую погоду не слишком приятно. Солнце так и норовит слепнуть. Но ничего, и не в таких условиях стрелять приходилось, прорвемся.

На стрельбище был установлен стенд. Афанасий подошёл к машине и принялся заряжать её тарелочками.

– Поверни, чтобы солнце в шары не било, – хмуро посоветовал я ему и принял ружьё у подбежавшего парня. – Заряженное? – Спросил я у него. Парень кивал головой. Кивал он так интенсивно, что появилось опасение отвала башки от довольно худой шеи. – Принеси патроны.

– Что принести? Я вас не понимаю, ваше сиятельство, – он растерянно посмотрел на деда.

– Полагаю, Евгений имеет в виду те приспособления, которые использует император Кречет с семейством во время пострелушек, возможно, у князей Тигровых они имеются. Но я предпочитаю классику, – ответил дед и кивнул на Афанасия. – Командуй, Женя, по готовности.

Я осмотрел ружьё. На этот раз это была вертикалка с одним спуском. Хорошее ружьё прикладистое. Калибр мелковат, не двенадцатый, это точно. Я ещё раз осмотрел ружьё. Двадцаточка, любимый калибр. Вот только гложут меня сомнения.

– А там точно дробь? – спросил я, подозрительно посмотрев на парня, который мялся рядом.

– Пулями заряжено, в оба ствола, ваша сиятельство, – отрапортовал парень.

– Пулями по тарелкам? – я посмотрел на ружьё, потом на деда, и в последнюю очередь на Афанасия. – Вот такого извращения я ещё не видел. Мало того, что не видел, а ещё и участия не принимал. – Вскинув ружьё, повёл его, словно вслед за целью. – Ладно, давайте попробуем. Дай!

Тарелка сорвалась из-за машины и полетела вверх по параболической траектории. Практически следом за ней понеслась вторая. Бах! Бах! Первая разлетелась в пыль, вторая тоже упала поврежденная, но второй выстрел был не слишком удачный, и только отколол от тарелки керамический кусок. Поморщившись, я опустил ружьё и посмотрел на деда.

– Ну что, убедился, что я умею стрелять? – дед молча кивнул, разглядывая меня так, словно впервые увидел. Я же повернулся к парню, который уже успел куда-то сбегать и теперь стоял рядом с кожаной сумкой в руках. – Ну давай, посмотрим, как ты ружьё заряжаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.